

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Уніонъ"
состоится
ДВОНОСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО

Марія Ивановны Долиной

КОНЦЕРТЪ

известной артистки.
всложительности

Х. К. Акцери Л. Исидор

ВЪЗЛЪНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ 6 этажа

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (52)

Декабрь. 2003 год.

Вера Холодная. Скульптура А. Токарева. Фото О. Владимирского.

- Стр. 2 — письма в клуб и из клуба
- Стр. 3 — чем мы жили этот год
- Стр. 4 — невероятная история
- Стр. 5 — 7 — роман в письмах: "Исчезли..." (В. Голубовская — Ф. Кохрихт)
- Стр. 8 — 9 — репродукции портретов работы художника Бориса Жутовского
- Стр. 10 — 11 — репортаж Сергея Осташко
- Стр. 10 — 11 — рассказ "Палевые облака" Татьяны Орбатовой
- Стр. 12 — рецензия на книгу одесского поэта П. Ставрова, опубликованная в Израиле
- Стр. 13 — интервью с поэтом Игорем Губерманом
- Стр. 13 — юмористический рассказ
- Стр. 14 — рассказ Виктора Макиенко "Как я был артистом"
- Стр. 15 — остров Змеиный глазами Олега Владимирского
- Стр. 16 — воспоминания Мери Шиф о ее одесских друзьях, присланные из Израиля
- Стр. 16 — эссе Люсьена Дульфана, одесского художника, о балерине и балетмейстере Марьяне Беккерман, дочери одесского коллекционера — письмо из США

Теннадий —
Эвелина

2-е сентября 2003.
Добрый день, Эвелина!

Спасибо огромное за "Helen". Энциклопедия российской миграции, мотивированная романтиками и "детективами".

Меня поразило эмоциональное тождество восприятия образа Helen одним автором (Валентина Толубовская) и образа Эвелины совсем, совсем другим автором спустя полвека (Феликс Светов).

Сопоставь:

"Я... заметила идущую навстречу женщину, каких в нашем убогом послевоенном детстве видеть мне не приходилось. В ней было что-то не отсюда, не из этих краев. Думаю, она не заметила моего восторженного взгляда, ее синие с фиалковым оттенком глаза были обращены внутрь и не замечали ни грязного тротуара, ни вывороченного нутра черного хода продовольственного магазина, выдворенных ящиков из деревянных реек, при виде которых на руках немедленно возникали ссадины, ни замасленных черных бочек. Она прошла мимо меня, я заворочено оглянулась вслед,

рассматривая уже со спины ее пальто, ее шляпу... первое... произведенное ею впечатление, поразившее мою детскую душу".

"...я вздрогнул: прямо ко мне из ниоткуда — нет, не ко мне... шла Дама. Именно Дама, иначе не скажешь: она была в розовой шляпе с широкими полями, под розовой вуалью; на ней была мантлия — иначе не назвать, — и это не было видением: на меня пахнуло духами и туманами, мантлия коснулась моей руки, я ощутил прикосновение... Я представил себе лазурный берег, белые яхты, пальмы и лилового негра...

— Мадам, — сказал я, испугавшись, что она пройдет мимо и исчезнет, — откуда вы и почему здесь?

"...и... писателя одна его героиня, у нее такое экзотическое имя... сидит в повозке угловатика... и говорит... Знаешь, говорит она, когда я гляжу на твою повозку, на уголь, я думаю — он вот-вот прорастет цветами... Понимаете — уголь прорастет цветами! Только не вспомнить — какими именно, кажется, фиалками... Я хочу сказать, что вот и вы точно так же... На моих глазах открылось, произошло подлинное чудо, в поганых Мытищах — благодаря вам и непостижимому мне явлению..."

И ты, и твоя мама — родственные образы, носители много, совсем много (фиалкового) для каждого автора.

Всего тебе доброго. Обнимаю. Теннадий.

Эвелина — Теннадий

А тут давеча один московский художник, который перетягивал холсты моего отца, не очень душевный человек, приехал возбужденный с портретом: Helen военных лет в бордовом платье, с прической 40-х годов — незаконченный и именно поэтому сегодня кажущийся вполне современным. Этот художник чуть-чуть отрёскавировал портрет, долгое время провалявшийся в ридоне в мастерской отца. И вот что этот художник с изумлением мне рассказывал. Во время его кратких прикосновений к полотну он почувствовал очень свежий запах фиалок, хотя за окном была зима. Этот запах настоячиво держался, пока он не закончил работу. Потрясенный, он повторил мне этот рассказ несколько раз.

Сейчас этот портрет висит у меня над рабочим столом.

С любовью, Эвелина.

Одесситы в Братиславе, отзовитесь. С этими нудными словами по приходу не оторвешься.

(Yuriy kamstav@kamstav.sk)

Мне понравился этот город, как только я вышла из автобуса рейса Запорожье — Одесса. Даже тот ужас, что творился тогда на "Привозе", меня не смущал. Теперь я скорее одесситка, чем дитя запорожских степей.

Антонина (tonyafish@ukr.net).

Я родился, вырос и женился в одном из самых прекрасных в мире городов под названием Одесса. Вот уже 25 лет, как я живу в Америке, но считаю себя одесситом. Я побывал во многих странах, но Одесса была, есть и всегда будет самой красивой, музыкальной и юмористичной. Если кто-то захочет написать мне, буду очень рад.

Привет одесситам во всем мире. Ведь одессит всегда и навсегда им останется.

Михаил Трейберг.

Жил на улице Пушкинской, 54 (mgreyberg@bbnow.net).

Уважаемый Леонид!

Подскажите, пожалуйста, как приобрести книгу Анатолия Филетова? Может быть, можно связаться с Толубовским или Ройзманом? Или с Литмузеем? Подарите нужные e-mail.

Спасибо. Вацлав

(vkrakovsky@hotmail.com).

Здравствуй, одесситы и любимый город!!! Я вот уже два года живу в Нью-Йорке, но все равно пошутиваю звание одессита и не забываю ни на секунду о своем городе! Вот скоро лечу туда! Если кому нужно, пишите!

Владислав

(spektorboris@msn.com).

Огромное спасибо за страничку о "Черноморье"! И хотя там уже практически нет знакомых имен (тридцать лет, как я уехал из Одессы), все равно, во-первых, приятно вспомнить молодость, во-вторых, очень интересно почитать о "Черноморье" нынче (ведь другой любимой командой для одессита не существует, если он только не болельщик ОФВ).

С уважением, Игорь

(igmarjel@mtu-net.ru).

Кто подскажет, где в Одессе можно найти книгу "Малой, Сухой и Писатель" о Карцеве, Ильченко и Жванецком? Или, может, кто-то знает о других изданиях, где написано о джете "К — И"? Есть ли у кого фото или диски, т. е. все, что связано с ними? Подскажите, пожалуйста, буду признателен. Пишите на указанный e-mail.

Олег (olegxl@mail.ru).

Уважаемый Леонид! Большое человеческое спасибо за ответ. Линный раз убедился, что одессит одесситу никогда не откажет в совете, помощи.

Спасибо еще раз.

Удачи во всем.

Олег (olegxl@mail.ru).

РЕШЕНИЕ

президиция Европейского интерклуба
"Дом Дерибаса"

"О присуждении почетных званий
"Клуб одесситов — Клуб года" и "Почетный член Европейского интерклуба
"Дом Дерибаса"

Звание "Клуб одесситов — Клуб года"

За активную общественную деятельность в Германии и вклад в дело одесского единства присвоить Гамбургскому клубу одесситов "Вдали от Дюка" (руководитель — Римма Самойленко) звание "Клуб одесситов — Клуб 2003 года". Наградить коллектив Клуба двумя благотворительными экскурсиями по Берлину, эксклюзивным энциклопедическим изданием "Zeitraum zur Deutschen Geschichte" (Berlin, 2001) и книгой "Одесса: история города, 1794 — 1914 гг." (автор

— Паульница Терлиги, Украинский научный институт Гарвардского университета. США. 1986 г.) в переводе на украинский язык (Киев. 1999 г.).

Звание "Почетный член Европейского интерклуба "Дом Дерибаса"

За большой вклад в развитие Одессы в различных областях деятельности и посильное участие в работе Европейского интерклуба "Дом Дерибаса" Почетными членами интерклуба "Дом Дерибаса" избраны:

Бауманн Йоханн (Берлин, Германия),
Белорусец Тамара (посмертно, Сан-Франциско, США),
Владимирская Талина (Одесса, Украина),
Глазырин Владимир (Одесса, Украина),
Толубовский Евгений (Одесса, Украина),
Тольман Владимир (посмертно, Одесса, Украина),
Тубарь Олег (Одесса, Украина),
Де-Рибас Олег (Одесса, Украина),
Жванецкий Михаил (Москва, Россия),

Контуш Анатолий (Париж, Франция),
Павловский Александр (Одесса, Украина),
Рудановская Татьяна (Рим, Италия),
Рывкин Владимир (Эрланген, Германия),

Паубеншмак Александр (Одесса, Украина),
фон Ральц-Рейн Эдуард (Вагун, Лихтенштейн),

Реденев Родион (Одесса, Украина),
Рельман Виктор (Одесса, Украина),
Хайт Валерий (Одесса, Украина),
Хасин Аркадий (Вормс, Германия),
Херсонский Борис (Одесса, Украина),
Цауфер Павел (Сан-Франциско, США),
Шисель Александр (Теттинген, Германия),

Щербина Людмила (Одесса, Украина),
Эйдеман Борис (Одесса, Украина).

Вручить Почетными членами Европейского интерклуба "Дом Дерибаса" дипломы.

Берлин, 2 сентября 2003 г.

Хочу разыскать тех, кто учился вместе со мной в Одесской школе им. Столярского в период с 1987 по 1991 г. Очень любопытно, как сложились жизни и творческие судьбы.

Елена Корожаева (ah.photo@verizon.net).

Кто знает, где расположен Книжный переулочек в Одессе и как он назывался раньше? Заранее благодарю!

Петя (vikshedan@yahoo.com).

Книжный переулочек соединяет Малую Арнаутскую и Преображенскую улицы. Увидеть этот переулочек на карте города Вы можете в Атласе центральной части Одессы по адресу: <http://has-sagemagazine.trijod.com/odessa/atlas/center4.htm>. Согласно книге Я. Майстровой "Улицы Одессы" (1998 г.), переулочек название не менял, он — часть Старопрестольной улицы от Преображенской до М. Арнаутской.

Леонид Рукман.

Яков Михайлович Абовский. Прекрасный клуб и сайт! Прощу прощения, что пишу латинскими буквами. Моим знакомым, бывшим соратникам по 100, 117, 105 школам. Пожалуйста, пишите сообщения по моему адресу: yap@abovsky.com, или yabovsky@hotmail.com, или JCQ 290549560.

Добрый день, уважаемые одесситы!

Не знаю, есть ли в вашем клубе библиотека, но хочу подарить вам свою монографию, которая вышла перед защитой докторской диссертации.

В книге (как и в диссертационной работе) — множество примеров из произведений, авторами которых являются выходцы из Одессы. Я сам не одессит, но в 1993 году защитил кандидатскую в Одесском университете, рецензентом монографии был проф. Ю.А. Карпенко (зав. кафедрой ОГУ), а ведущей организацией при защите докторской — кафедра украинского языка Одесского госуниверситета.

Надеюсь, книга еще раз подтвердит тот факт, что юмор — дело серьезное, а одесситы "делают" это дело замечательно.

С уважением, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Кировоградского государственного педагогического университета О.А. Семенов.

Книга "Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте". Олег Анатольевич Семенов.

Всемирный клуб одесситов в 2003 году, или ЛУЧШЕ РАЗ УВИДЕТЬ...

Поверив в справедливость поговорки, гласящей, что лучше раз увидеть, чем 100 раз услышать (или в нашем случае — прочесть), мы решили свой традиционный ежегодный газетный отчет о жизни клуба сделать в форме фоторепортажа (снимки Олега Владимирского). Надеюсь, читатели разделяют наше мнение.

По-прежнему, уже традиционно, проходили в клубе презентации книг, имеющих отношение к Одессе и тому, что составляет ее своеобразие: юмору, морю. Клуб принял активное участие в VIII Международной выставке-ярмарке "Зеленая волна". В ее рамках состоялась презентация книги "Святой Серафим", изданной Киевской митрополией Украинской Православной Церкви при содействии Всемирного клуба одесситов. Сборник "Святой Серафим", куда вошли одноименная поэма Максимилиана Волошина и дополнительные материалы, — еще одно издание в серии раритетных книг, которые уже длительное время выходят в свет в рамках издательской программы Всемирного клуба одесситов по инициативе и при участии вице-президента ВКО Евгения Голубовского. За это наш клуб получил на выставке целых 4 диплома. А Евгений Михайлович, в свою очередь, стал орденоносцем, получив в числе первых одесситов орден Г.Г. Маразли. Как говорится, по заслугам!

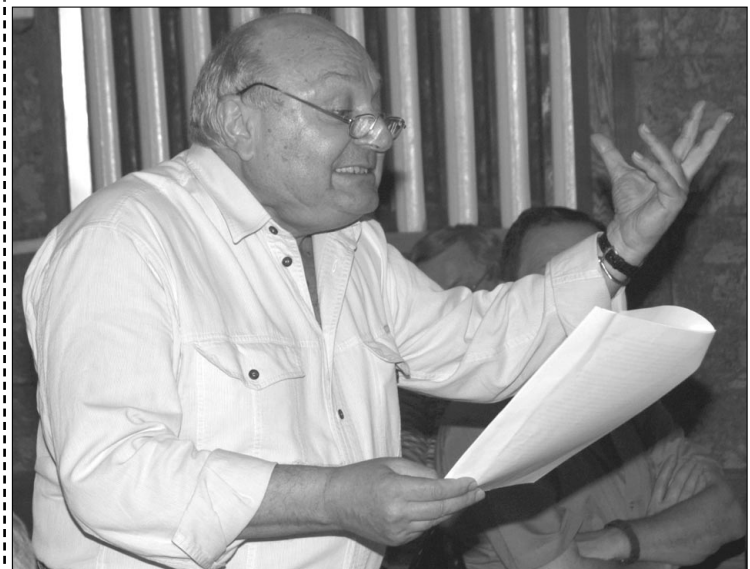
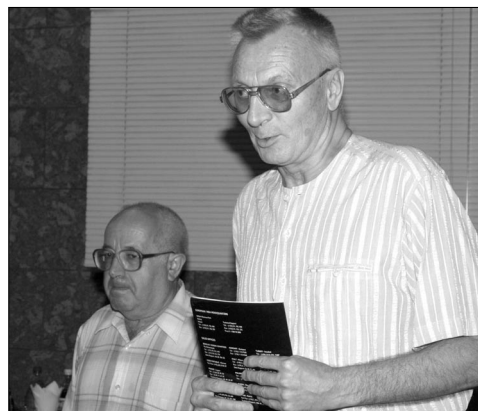

Снова у нас побывало немало гостей. Настоящим праздником для тех, кто считает себя "шестидесятником" (не по возрасту, а по убеждениям), для тех, кто знает и любит авторскую песню, стала встреча с Александром Городницким. Приехав в Одессу, снова побывал у нас член клуба замечательный художник Леонид Гервиц, ныне проживающий в США. Мы насладились музыкальными импровизациями и веселыми рассказами о заокеанской жизни в исполнении Эрнеста Борисовича Штейнберга, который побывал на нашем вечере, посвященном "Юморине — 2003". А совсем недавно нас трижды (!) в течение нескольких дней пребывания в Одессе посетил поэт Игорь Губерман.

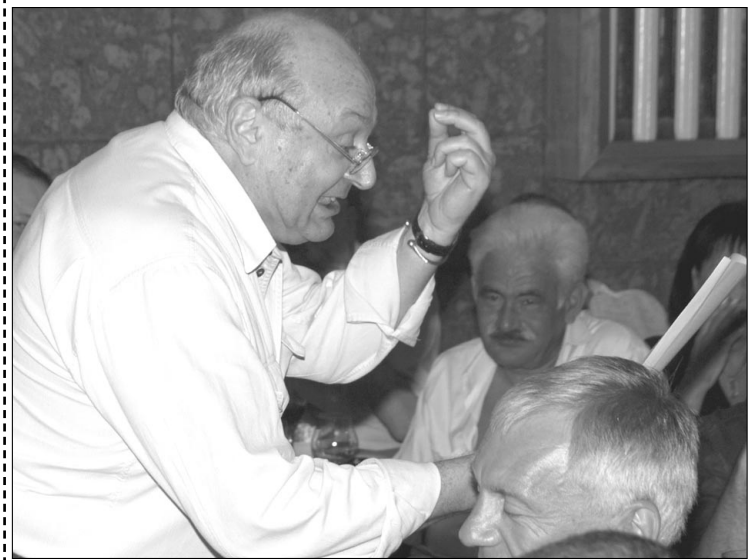
На снимке: Игорь Губерман отвечает в стенах клуба на вопросы журналистов. Рядом — Александр Мардань, благодаря которому состоялся концерт нашего любимца в Русском театре, и ваша покорная слуга — Галина Владимирская.

Все или почти все, что происходит в клубе и вообще в Одессе, находит отражение на сайте Всемирного клуба одесситов. И, конечно же, сам сайт заслужил стать темой отдельного вечера.

На снимке: слово держат создатели детища под названием "сайт ВКО" — контент-менеджер Леонид Рукман (член президентского совета клуба) и веб-дизайнер, профессор Юрий Кругляк.

Самым ярким впечатлением клубной жизни этого года стал вечер, на котором Михаил Жванецкий читал свое новое, еще никем не слышанное. Это потом был ошеломляющий успех в Киеве, Москве и других городах России, за рубежом. А первый смех, первые эмоции, первое потрясение — здесь, в родном клубе, где он — Президент.

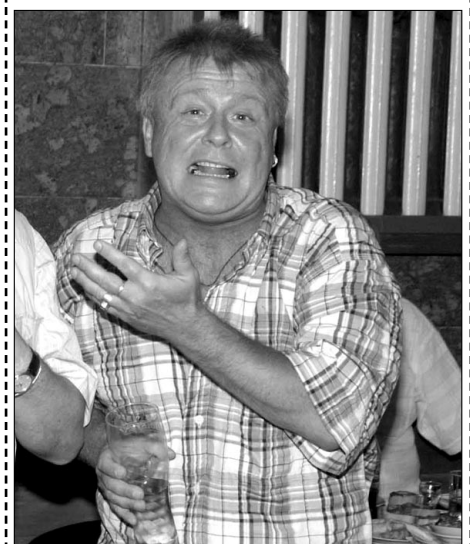
С 2003 года на нашем сайте представлен сайт футбольного клуба "Черноморец". Мы подружились с главным тренером одесской команды Семеном Альтманом. Придя на вечер в клуб, Семен Иосифович подарил нам вымпелы, плакаты и мяч, на котором расписался весь сегодняшний состав команды.

9 января С. Альтман получил звание "Одессит года" — за возрождение в Одессе интереса к футболу и веры в любимую команду. А 11-го в клубе прошла встреча Семена Иосифовича и знаменитых игроков прошлых лет с членами ВКО. Подробнее об этом мы рассказали на сайте. И захотели такие встречи сделать регулярными.

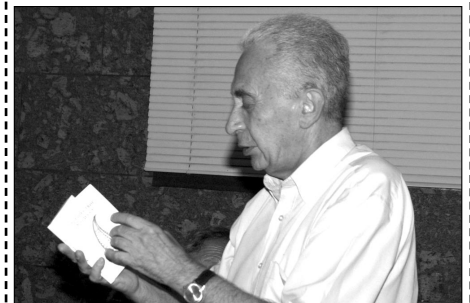
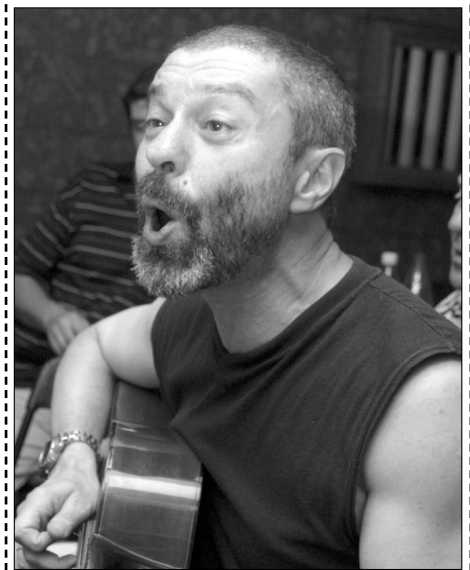
У нас в наличии — десятки других фотографий, запечатлевших десятки других событий. Но нельзя объять необъятное, как говаривал Козьма Прутков. Впереди — новые встречи, вечера, презентации, выставки... Доживем до конца следующего года — отчитаемся. С Новым годом!

Галина Владимирская,
директор Всемирного клуба одесситов.

Был в Одессе еще один "не охваченный" клубным движением человек, который просто по странному обстоятельству избегал этого: музыкант и композитор Юрий Кузнецов. Наконец-то мы исправили несправедливость: Юра — наш! А он и рад!

На снимке: Кузнецов после вручения членского билета.

В этом году наш клуб пополнился целой плеядой замечательных одесситов, которым, если честно, давно пора было вступить в наши клубные ряды. Это три друга, три великодушных знатока одесской жизни разных лет, три литератора и три просто очень милых нашим сердцам человека: Олег Губарь (недавно отметивший не без нашего участия свое 50-летие), Михаил Пойзнер и Александр Розенбойм. Они дружны по жизни, и мы их дружно в один вечер посвятили в члены Всемирного клуба одесситов. Билеты вручал сам Президент. А новоиспеченные "отплатили" нам своими творческими изысканиями.

На снимках: Олег Губарь — он еще и поэт; Александр Розенбойм — когда говорит, можно заслушаться; Михаил Пойзнер — не любит публичных выступлений, но для нас сделал исключение.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ! ОКСАНЫ МАЛОЙ

Эта девушка, так случилось, однажды попала в центр журналистского внимания. И сегодня ее история, неоднократно рассказанная и даже показанная, известна многим: ребенок, выброшенный родителями-пьяницами на улицу, вырос в собачьей будке, переняв повадки животного вплоть до лая, воя, передвижения на четвереньках и лакания из миски. Такой Оксану забрали в детский дом, многому ее там научили. А когда выросла, из детского дома перевели во взрослый дом-интернат для психохроников, и по этой причине Оксана снова начала лаять, выть на луну... Таким, если вкратце, был телевзгляд на эту историю. Фильм, снятый московскими журналистами, конечно, шокировал зрителей. Но благая поначалу цель — взорвать человеческое равнодушие, открыть глаза на то, что рядом с нами живут брошенные, недолюбленные, обреченные дети, — постепенно трансформировалась в некое, простите, биологическое исследование. И вот уже рубрика в газете "Люди и звери", заголовок "Девочка-собака Оксана", подробный анализ возможных взаимоотношений людей и собак на канале "Дискавери"...

Но вовсе не из личного желания препарировать действия коллег по цеху написаны эти строки. Дело в том, что послесловия к фильму попросили люди, причастные к данной истории.

В детском доме-интернате для умственно отсталых детей, что на 15-й станции Большого Фонтана, беседуем с воспитателем Ниной Алексеевной Рыгиной.

— Я не знаю наверняка, жила ли Оксана в собачьей будке. Из Цюрупинского детского дома в Одессу девочку привезли, когда ей было во-

семь лет. Все годы была в моей группе. Сложная судьба, сложный ребенок... Оксана действительно знала многие собачьи повадки: могла ходить на четвереньках, лакала из тарелки, после купания делала такое движение головой — ну, точь-в-точь как собаки воду с себя отряхивают! Еще раз повторяю — я не знаю, жила ли девочка в будке, но явно собаки ее любили больше, чем родители. Постепенно она забывала собачьи повадки, мы учили ее гигиене, грамоте, насколько это было возможно. Работа на уроках у нас построена так, чтобы ребенок максимально воспринял больным мозгом то, что мы ему преподаем. Оксана читала букварь, считала до двадцати. Но дети-имбецилы, если не заниматься с ними систематически, забывают полученные знания.

Оксана обожала животных, просто они были самым ярким впечатлением ее детства. Я уверена, девочка играла с животными, наблюдала за ними. Передачи "Подводная одиссея команды Кусто" и "В мире животных" были ее любимыми. Сколько слез Оксана пролила, если дети усаживались смотреть сказку вместо этих передач. Я всегда находила возможность помочь ей посмотреть "Кусто..." и в зоопарк непременно брала. Когда на уроках вышивания я предлагала детям разные рисунки, Оксана обязательно вышивала ослика, корову...

...Фильм об Оксане меня возмутил. Мы столько сил потратили, чтобы увести ее с того, собачьего, уровня, а девочку заставили перед камерой снова это повторять, взорвав в ней то, что уже почти стерлось из памяти. С такими детьми нужно быть очень осторожными, их нельзя провоцировать. Подобным образом перечеркивается вся

работа. Оксане разбередили душу, оказывается, обещали, что повезут к родителям. Старалась, выполняла все, о чем просили. Обманули. Как она потом плакала! А после обиды пришла агрессия, Оксана озлобилась.

У директора дома-интерната Б.Н. Русина я спросила, можно ли было не соглашаться на съемки? Как-то врасплох москвичи всех застали, приехали в отпускную пору, да и прежде подобных ситуаций не случилось, впервые такой урок получили. Хотя официальная бумага об обязательном предварительном просмотре имеется...

Сейчас Оксана Малая живет в Барабойском доме-интернате под опекой опытного социального работника Анны Чалой. Приехав в Барабой, тотчас услышала от Анны Терентьевны:

— Первую часть фильма снимали и в Барабее, Оксана к тому времени уже две недели здесь жила. Но вторую часть — где зимние съемки и девочка в мужской шапке на луну воет, — это не Барабой и не Оксана! Да, она и сейчас собачьи повадки помнит и продемонстрировала бы их, но я не позволяю — зачем лишний раз напоминать ей детство? Но утверждать, что девочка одичала... Это же неправда.

И хотелось бы уйти от темы фильма, рассказывая об Оксане, да не выходит. В противовес сказанному моими собеседниками, да и справедливости ради, нужно отметить вот что: от фильма, каким бы он ни был, есть польза. Какая? Перечислю.

Главная — нашелся старший брат Оксаны, Сергей Малый! Приехал в Барабой, Девушка ему очень обрадовалась. Сергей рассказал, что детей в семье было трое, где еще один брат — не знает. Ребят увезли из дома в один день, когда родителей лишили родительских прав, потом судьба разбросала малышей по детским домам. Жила ли Оксана

в собачьей будке? "Просто и она, и я очень любили животных", — отвечает Сергей. Он работает в Одессе, сестре подарил свою фотографию.

Польза вторая — судьбой Оксаны заинтересовались режиссеры ток-шоу "Что хочет женщина" и организовали поездку девушки в Москву, на съемки. Такая поездка для подопечных дома-интерната — событие сродни полету в космос.

А еще у Оксаны появился учитель — Сергей Поляков. Сергей Николаевич, еще будучи москвичом, увидел по каналу "РТР" фильм.

— Я увидел девочку, подумал, что ей лет 12, оказалось — почти 20. Она не умеет читать, сказали. А я — инженер, работал в атомной энергетике, но овладел методикой педагога-новатора Зайцева и вечерами по этой методике учил детей читать. Решил помочь Оксане. Ушел на пенсию, вернулся в Одессу, где живет 90-летний отец, и каждый понедельник приезжаю в Барабой. Увидел здесь многих девочек с одинаковой судьбой, поэтому учу читать уже не только Оксану. Мне понравился ее брат, девочка к нему сразу привязалась.

Через всю большую территорию Барабойского дома-интерната вместе с Анной Терентьевной направляемся к корпусу, где живет Оксана. Мы ни у кого ничего не спрашиваем, а нам: "Оксана на занятиях". Что удивляться, Оксана стала "барабойской кинозвездой".

А вот и она: невысокого роста, с короткой стрижкой, больше похожая на мальчика. Дичится. Подружки тут как тут: "С утра не на ту ногу встала". Как же ее разговорить? Животные! Вот тема — главная при любых обстоятельствах. И Анна Терентьевна рассказывает, что изо всех видов работ, а дом-интернат кормится со своего подсобного хозяйства, Оксана всегда выбирает ферму. Именно ферму и про-шу показать.

Без возражений. За нами тут же отправляется и затем следует неотступно такса Томик, Оксанин дружок. Угрюмость как рукой сняло, и мы знакомимся с лошадьми Лялкой и Зорькой, Зорькиным жеребенком. А корова Ласуня бесцеремонно хватается за рукав, переключая внимание на себя.

Рассказав обо всех обитателях фермы, Оксана и о себе кое-что поведала. О встрече с братом: "У него дочка есть, тоже Оксаной зовут". О поездке в Москву, о фильме: "Неправда, что я снег ела и на луну выла. Анна Терентьевна может обидеться. По-собачьи лаять и ползать я умею. И по-лошадиному тоже умею. Жалко, у брата лошади нет... Я лошадей люблю. А не люблю, когда обо мне говорят, начинаю злиться и нападаю на людей... В Москве меня спрашивали, кем я хочу быть. А я только хочу семью и быть возле своего брата".

Вот такой ответ на главный вопрос московского ток-шоу. Что сказать? Далеко не все зависит от человека. Нужно, например, иметь счастье родиться в хорошей семье. И чтобы папа с мамой, книжки, санки, зоопарк, сказка перед сном. Но жизнь сложилась худо. Что делать? Что можно. Сергей Николаевич Поляков в любую погоду по понедельникам приезжает заниматься с Оксаной. Анна Терентьевна Чалая опекает девушку и уверена, что самостоятельно Оксана жить не сможет, ей лучше под присмотром. Брат Сергей, еще не очень хорошо устроенный в жизни, навещает сестру в Барабее. Войдут в ее судьбу другие хорошие люди — лучше станет жизнь. Но крутые повороты в судьбе брошенной когда-то родителями девочки вряд ли возможны. В этом весь ужас. А еще — в обыкновенности подобных историй. Буквально недавно снова застыли у телеэкранов зрители: четырехлетний Ваня в Полтавском приюте не умеет говорить, но умеет лаять...

Дора ДУКОВА.

ИСЧЕЗЛИ...

...крики во дворах: "Паяем-починяе-е-м! Паяем-починяе-е-м!", "Точить ножи, точить ножи-и и ножницы-ы!", "Стекла вставляем, стекла вставляем-е-м!", "Стары вешши покупаем, стары вешши покупае-е-м!" Появился "Секонд хенд".

Исчезли биндюжники на подводах, извозчики на бричках, тачечники с тачками во круг "Привоза" и у вокзала. Исчезли инвалидные "авто" — двухместные жестяные коробки на колесах и с мотором. Иногда они умудрялись даже подбирать отважных пассажиров. Исчезли 1-й и 23-й маршруты трамвая. С Дерибасовской исчезли троллейбусы. Исчез фуникулер, появились вместо него эскалаторы, но быстро увяли. Исчезли открытые пульмановские вагоны с узорными решетками.

С тротуаров исчезли дорожки из квадратных синих плит итальянской лавы и камешки-"дикари" по их краям. Даже при сильных дождях вода уходила в почву и с тротуаров, и с булыжных мостовых. Появились выбоины на асфальте с "миргородскими" лужами, а зимой — стекленеющие ото льда паркетные клинкера.

Исчезли акации (правда, некоторые, как реликтовые, сохранились), в обилии появился тополинный пух.

Исчезли сначала дворовые туалеты, а потом и грозные надписи мелом на воротах: "Во дворе туалета нет". Вместе с ними исчезли и горделивые доски на воротах "В нашем доме нет второгодников" и таблички "В парадных не трусить". Появляются кондоминиумы.

Исчезли шумные примусы, чадающие керогазы, грецы со слюдяными окосечками, угольные склады, лавки с керосином. "Стоит у лавки керосиновой печальный дворник круглолицый" (Иосиф Бродский). В супермаркетах появились поленья для каминов. Исчезли формы с двойным дном для выпечки на примусах, из-за отверствия в центре напоминавшие большой бублик, — "Чудо".

Исчезли оцинкованные лохани, корыта, стиральные доски. "Будешь спать ты с доской, со стиральной, за машину, за его персональную" (Александр Галич).

Исчезли баня Исаковича и морские ванны на Десятой станции Фонтана. Появились бассейны и джакузи.

Исчезли патефоны, патефонные иголки и пластинки, исчезли радиолы. Из всех летних окон исчезли концерты по заявкам радиослушателей: "Друзья, люблю я Ленинские го-о-ры!", неаполитанские песни в исполнении Михаила Александровича, "...нигде не найдешь другой такой Челиты!" и незабвенная "О, голубка моя-а-а". Появились лазерные диски, DVD.

С появлением эскиммо на палочке исчезли мороженщики с тележками, которые жестом фокусника клали в формочку вафлю, сверху мороженое, прикрывали второй вафлей, нажимали ручку формочки. Вы становились обладателем холодного сладкого счастья. Быстро таявшего.

Исчезли розово-белые треугольники печенья "микадо".

Исчезла зельтерская, а потом и будки с газированной водой — пожалуйста, без сиропа (1 копейка), с сиропом, наконец, заветное — с двойным сиропом! "Тебе, девочка, с каким? Малиновым, вишневым, клюшоном?" Хочется сразу со всеми.

Во дворах исчезли бочки с таинственно черневшей дождевой водой, с плавающими на ее поверхности осенними листьями. Исчезли выносимые на лето во двор кадки с олеандрами и фикусами.

Исчезли папиросы "Казбек" с вечно скачущим по коробке черным силуэтом всадника. Исчезли французские булки, франзоли, французский суп, обращение "мадам", пришли "мужчина!" и "женщина!".

Почти исчезло рабоче-крестьянское происхождение. Так много появилось дворян, что думаешь: кем же владели их предки? Наверное, друг другом. По количеству на квадратный километр с дворянами могут соперничать только академики.

Исчезли галоши, дамские ботинки на каблуках, серые суконные куртки "московка" с непреренной черной кокетой, белые парусиновые туфли — вместе с зубным порошком, которым их чистили, заодно и зубы, чесучевые костюмы, драповые пальто с каракулевыми воротниками, шмуклеровские пуговицы, галстуки-"бабочки" на резинке, китайские штаны и рубашки "Дружба", знаменитые портные и модистки. Исчезли духи "Красная Москва". Появились "Седьмой километр" и бутики, считающие, что предлагают "от кутюр".

Исчезли на пляжах скалки (пойдем на массив или на скалки?), на скалках — ковры,

которые носили на море, чтобы вымыть их голубой глиной — килом.

Исчезли лежащие часами под палящим солнцем отдыхающие, "от гребенки до ног" вымазанные куяльницкой грязью, предусмотрительно принесенной с собой в пол-литровых банках. Аможно было купить эту грязь на пляже у разносчиков. Вместе с холодной водой из чайников, рачками, круто посоленной пшенкой. Петушками на палочках.

Исчезли кинотеатры — XX-летия РККА (потом "Украина"), имени Короленко, Ворошилова (потом "Зірка"), летние кинотеатры. В них появились автосалоны.

Исчезли танцплощадки в парках. Появились ночные клубы, дискотеки. На смену "Ивану Бровкину на целине" пришел "Терминатор".

Исчез бар "Красной", где обитала вся одесская богема, кафе "У тети Ути" (вывеске — не верить!), "Чекистская минутка", ресторан на старом морвокзале. И сам старый морвокзал. Появились respectable рестораны с вышоленными официантами, к которым уже не нужно обращаться с просьбой: "Лучше не доливайте, но не разбавляйте!"; с умопомрачительными меню, соблазнительными картами вин. Появляются, как первые ласточки, сомелье.

Исчезли "мокрая" колбаса "ветчинно-рубленая" и плавленый сырок "Волна". Вместе с ними исчезли очереди. Появились супермаркеты, в которых можно спросить удивленно у продавщицы: "Почему у вас сегодня нет рокфора?"; а она, стоя за витриной с десятками разных сыров, будет, извиняясь, вручать вам номер телефона с просьбой позвонить завтра. Завтра будет!

Исчезли два слона в книжном магазине на Ришельевской, о котором говорили: "Купил в двух слонах". Потом исчез и книжный магазин. Появились Интернет-кафе.

Исчезли макуха, американские "рационы" со свачкой, пакетиками растворимого кофе, сосисками в плоских консервных коробках. Исчезли маялки, цурки. "кины", игра в "штандер", школьные булочки по 3 копейки, перо "86", ручки-вставочки, чернильницы-невыливайки в мешочках. Появились калькуляторы. Знание таблицы умножения вызывает у продавцов удивление и подозрительность.

Почти исчезли школы, зато появились гимназии и лицеи; о появлении классных дам и умения делать книксен пока не слышно.

Сначала исчезли районы Воднотранспортный, Сталинский, Кагановичский, вместо них появились соответственно Центральный, Жовтневый, Приморский. Очень долго держались Ленинский и Ильичевский, Но и они, наконец, исчезли, прихватив с собой за компанию и Жовтневый.

Почти исчезли евреи. Но вновь появилась улица Еврейская (чтобы жизнь сладкой не показалась, рядом с ней выскочил, как на носу майора Ковалева, переулоч Шухевича. Очевидно, для острастки), появились синагоги, еврейские газеты, еврейские школы и детские сады, мемориальные доски Хаиму-Нахману Бялику и Владимиру (Зееву) Жаботинскому. Правда, исчезла улица Шолом-Алейхема, но вернулась "улица, улица, улица родная, Мясоедовская улица моя".

Исчезла Привозная улица. Была и исчезла. Вместо нее появились паркинг, новые корпуса "Привоза".

Исчезли авоськи, торбы. Появились кейсы, кофры, ноутбуки. И "кравчукки". Исчезли голландские печи, появились АГВ, теперь вновь появились каминьы.

Исчезла китобойная флотилия "Слава". С нею исчезли "бобочки" на молниях и лиловые брюки китобоев. А потом и магазины для китобоев.

Исчезли объявления по громкоговорителю об отходе катеров к 16-й станции через Ланжерон, Аркадию, 10-ю станцию Большого Фонтана.

Исчезли путешествия по Крымско-Кавказской: до Ялты, до Сухуми и совсем далекие — до Батуми. Теперь ближе стали Анталья, Кипр, Канары, Таиланд, а то и Багамы, остров Барбадос. Незаметно исчезли знаменитые капитаны, под шумок исчез весь пассажирский флот, "белые мачты на рейде", вместо которых маячит перед глазами гостиница "Одесса" (не путать с "Одессой", которая вновь стала "Лондонской"). Словно съехившись на ее фоне, смотрит печально Дюк.

Все, вскользь здесь упомянутое, исчезло и появилось на моих глазах за полвека. Адюк? На его памяти и не то еще исчезало. Что исчезнет и появится еще перед ним в его обреченной на века, как и сама Одесса, бронзовой жизни?

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ.

Уже второй раз "Всемирные одесские новости" публикуют роман в письмах. Если первый заключал в себе переписку о Евгении Онегине, Пушкине и Одессе, переписку Олега Губаря и Валентины Голубовской, то второй посвящен нашим дням. Феликс Кохрихт и Валентина Голубовская размышляют о том, что еще недавно было, но на наших глазах исчезло. Конечно, тема эта неисчерпаема. И, тем не менее, даже этот фрагмент показывает, как многого мы лишились, правда, кое-что и приобрета. К примеру — атомную бомбу, СПИД, и т. д., и т. п.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Если Валентина Голубовская за что-то берется, то доводит дело до логического конца. При этом конечный продукт отличается не только отменным качеством, но и особой — экспериментальной — красотой. Подобное могу сравнить лишь с подобным: со слезой ребенка по Достоевскому, слезой же комсомолки по Веничке Ерофееву и "губаревкой"-граппой, которую со страстью великого Инквизитора изгоняет из благородного таировского вина наш общий компатриот Олег. Здесь ни убавить, ни прибавить...

И все же... Рискну дополнить ее мемориал исчезнувших одесских реалий и артефактов, гонимый стремлением внести в стройную и гармоничную опись лакун, составленных достойной дамой, лишь малую толику, прочувствованную особью мужского пола, увь, натурой исчезающей и сравнимой с городскими сумасшедшими, о которых — впереди...

Аначну я с того, о чем сегодня так тоскует моя душа:

...исчезли бублики. Те, что варились в подвальчиках на Садовой и Екатерининской вплоть до начала 60-х годов ушедшего века. Фаст-фуд нашей юности. С маком, семитатью, а вкуснее всего — без всего. Разрезанные по окружности, намазанные маслом, с ломтиком жирной желтой брынзы и обязательно — с крепким, горячим, сладким чаем... Недавно увидел на критской улочке продавца бубликов и побегал к нему, смущая солидных греков, не спеша идущих в церковь. На глаз, даже на ощупь, даже на запах — бублики эти похожи на наши. На вкус — да, но не ай-ай-ай...

...городские сумасшедшие. (А что я говорил?) Не злобные старухи, не несчастные дауны, не вконец спившиеся и исколовшиеся, а яркие артистичные личности, сродни шекспировским шутам и пушкинским блаженным. Вспомню лишь тех, кого знал лично.

Мишка-Режет-кабана... На Новом базаре в конце 40-х — начале 50-х так звали по первому куплету выходной арии этого шушлого мужичонку в рваном ките, галифе и опорках. За символическую мзду он являл нам площадную мистерию, вполне по-бахтински. Тренкья на балалайке, кружился на одной ноге, истошно вопя: "Мишка режет кабана, Мишка задается, а собака без хвоста бега-ет, смеется!" И сегодня, спустя столько лет, я оглядываюсь по сторонам — ищу эту самую собачонку, которой, впрочем, никогда с Мишкой и не было...

Жора-студент... Городская молва приписывала ему отца-профессора, скончавшегося с горя (единственный сын лишился ума), мать-аристократку, строго следившую за тем, чтобы у Жоры в нагрудном кармане вельветового пиджачка всегда был свежий платочек... Апричиной душевного недуга, опять же — согласно знающим людям, была травма черепа. В трамвае 23 маршрута всегда находилась почтенная женщина, которая сама видела, как на занятиях по физкультуре в одесском медине в голову лучшего студента санитарно-гигиенического факультета врезалась учебная граната, брошенная с соседнего стадиона чемпионом области по метанию. Жора был почти нормальным молодым человеком. В трамвае уступал место дамам, читал свои стихи — галантные, но чуть излишне игривые, что с годами, увь, усугублялось... Ему давали деньги, Жора с благодарностью их принимал, но большую часть раздавал нищим инвалидам. С ним случались ужасные припадки — падал, где стоял, бился головой об асфальт... Когда я стал заниматься психиатрией, то понял, что Жора страдал травматическим эпилепсией. Однажды, помогая ему, застигнутому припадком на улице, откинул его черные густые локоны и увидел на затылке глубокий рубец... Кто и когда изувечил этого симпатичного, статного и, несомненно, породистого человека? Об этом я так и не узнал...

Вышеупомянутый Губарь вместе с профессором истории Андреем Добролюбским учредили Орден городских сумасшедших. Недавно оказали честь и мне, я ее принял. Но наше место — скромное. После Мишки и Жоры.

...водка в мерзавчиках и шкаликах. Нынешний разлив, даже в 330-грамовые фляжечки, все же предполагает дебаты, тогда как 125 и 250 г располагали к беседе

...оловянные пугачи, палившие оглушительно. Даже фронтовики, случалось, вздрагивали, когда зимним вечером у черного входа на цирковую галерку (Садовая, 2) я разряжал в снег набитую селитрой глиняную пробку — прообраз нынешних самодельных бомб...

...практически исчезли лилипуты. Вспомнил о них в связи с цирком. На арене они еще появляются, но в городе "маленьких" (так они себя именуют) нынче не встретишь. На этот счет у нас был телефонный спор с достопочтенной Валентиной, которая поначалу не соглашалась со мной концептуально, но все же признала, что лилипотов действительно не видно на рабочих местах, не связанных с цирком. Она же вспомнила, как в юности

служила вместе с моей женой Татьяной в Гипрограде: там у них был переплетчик, который тщательно протыкал шилом картонные папки с документами, стоя на стуле. Он даже был членом ревизионной комиссии профкома.

...мужские носки с приспособлениями для их удержания на поверхности голени. Их (приспособления) почему-то ошибочно называли "штрипками", хотя последние предназначались для другого, что коротко и вразумительно объяснить не берусь. Впрочем, исчезли и собственно штрипки. Во всяком случае, из мужского гардероба.

...женские пояса для поддержания чулок. Не те, что нынче продаются в дорожных бельевых магазинах и секс-шопах, а надежная, прочная упряжь.

...а вместе с ними и мастерицы, что шили эти пояса, а также емкие и эргонометрически выверенные бюстгалтеры, — на дому у заказчиц, зачастую и живали у них неделями, перебираясь от одной соседки в коммуналке к другой.

...жилкопы, ОРСы, тэжэ. Что означает последняя аббревиатура, знает нынче лишь Валя Голубовская. Ее дочка Аня еще помнит, что такое чеки-сертификаты, а внучка Соня живет уже не при ЖЭКах, а при ДЕЗах...

...папиросы (в дополнение к Валиному мартиролу) — по возрастанию класса: "Ракета", "Бокс", "Прибой", "Норд-Север", "Пушка", "Дели", "Герцеговина Флор", не тот уже и "Беломорканал"...

...ситро.

...мужские сатиновые плавки, завязывавшиеся на боку белыми бязевыми тесемочкам. Шли в комплекте с носками со "штрипками".

...пляжная еда. Котлеты с вермишелью в алюминиевых кастрюльках, стеклянных банках — кабачковая (но почему-то не из "синих!") икра, салат из помидоров с огурцами и луком, компот (в 60-е годы — в китайском термосе). Как это вкусно! Пиво — в бидоне. Произносилось: "В битоне".

...дворники, жившие во дворах, где подметали и охраняли.

...районные управления КГБ.

...оркестры в кинотеатрах. Лучший, на мой взгляд, был в фойе кинотеатра им. XX-летия РККА (потом — "Украина", а нынче нет и его...). В них играли и пели приличные, а порой и замечательные исполнители, среди них были и студенты консерватории — в будущем известные артисты, и гонимые в послевоенные годы джазмены.

...детские-рублевые-билеты в детский же кинотеатр им. Горького (Греческая угол Преображенской). Его тоже уже нет, как и кинотеатра "Хроника" (Дерибасовская угол пер. Вице-адмирала Жукова) — любимого места казенки интеллигентных старшекласников и студентов. Помню, как с восторгом смотрел там киноверсию путешествия чехов Ганзелки и Зикмунда...

..."Интерклуб" — агитпункт для моряков, приходивших в Одессу на заграничных судах. Нечто вроде симбиоза танцулек на курорте, заводской библиотеки и латентного борделя. Кагэбэшники чуть ли не силком загоняли туда студенток иняз и вообще университета, а затем некоторых из них по-фрейдистски терзали за связь с иностранцами...

...игра "в пятнадцать".

...искусство "проканывать" (по-московски — "протыриваться") — проникать без билета в кино, на стадион. В театр почему-то мы, пацаны, "не могли".

...дворовая игра в казаки-разбойники. Впрочем, у Валентины Степановны наверняка на этот счет есть свое мнение. Не удивлюсь, если она заявит, что недавно в их дворе в "разбойниках" отличались лихие лилипуты.

...шпанские мушки.

...красный стрептоцид.

...студенты из Албании. Когда-то многие одесские девушки вышли за них замуж. Увь, судьба многих оказалась печальной...

...не выдать на наших улицах мужчин в шляпах, кроме плейбоев и хасидов.

...исчезли закрытые просмотры на киностудии.

...увь, в парикмахерских нынче тебя не выберут начисто опасной бритвой, да под разговор, да с компрессом. Боятся СПИДа.

...исчезли детские и отроческие мужские имена: Сталик, Виля, Маратик, Элиж, Люсик, Осик, Зяма, Кока, Мока, Мика; женские: Сталина, Мэри, Геня, Гуля, Кия.

...практически не едят гоголь-моголь.

...не играют в преферанс на пляжах.

...исчезли мужчины в полосатых пижамах, соломенных шляпах и сандалиях в дырочку, деловито идущие с сифонами к будкам с газированной водой, исчезновение которых справедливо и своевременно отметила Валентина Степановна.

...Но она забыла утерю главного, сравнимого разве что с бубликами! Исчезла дивная и неповторимая одесская СКУМБРИЯ — свежая, малосольная, жареная, копченая. И нет больше сил!

И в заключение — несколько строк из записей Юрия Олеши, из его лирического дневника "Ни дня без строчки".

"Одесские богачи. Я не видел ни одного из них.

(Продолжение на 6-й стр.)

(Продолжение. Начало на 5-й стр.)

Я только слышал их имена: Бродский, Гепнер, Хари, Ашкинази, Пташников, Анатра... Еще многие, которых я не помню".

Я вот не только не видел их (хотя прадед мой мог быть в этом списке), но о двоих и не слышал. И тут меня, надеюсь, да что там — уверен, дополняют и Валентина Степановна, и Олег Иосифович.

Феликс КОХРИХТ.

Дорогой Феликс! Спасибо тебе не только за лестный отзыв о моих "мемориях", но и за движение души — продолжить рассказ о деталях, мелочах, подробностях нашего не обласканного страной детства (несмотря на то, что в школе мы твердили: "За детство счастливое наше, спасибо, родная страна!"); и я иногда — это я не придумала сейчас, клянусь! — думала, как Петя Бачей, подслушавший разговор папы с тетей: оказывается, не Россия выиграла войну, а Япония. Мое детское сердечко сжималась от ужаса, я никому не могла доверить свои страхи и только про себя иногда думала: может, все-таки Германия победила) и, тем не менее, счастливую — вопреки лучшему другу всех детей!

Наше одесское детство.

Раз уж ты пригласил к продолжению воспоминаний, то вот, следуя по твоему тексту, некоторые дополнительные эпизоды и детали.

О городских сумасшедших.

Конечно, были знаменитости общегородского масштаба, как несчастный интеллигентный Жора и Мишка-Режет-кабана, которого я, помнится, видела раз в жизни. Он, приплясывая, шел по Канатной от Новорыбной (у нас в семье пользовались только старыми названиями улиц. Когда Чижикова была Пантелеймоновской, я не знаю; наверное, Губарь знает. Но и в литературе улица, ставшая в послевоенные годы Чижикова, кстати, какое-то время после войны она называлась Потемкинцев, я помню голубые жестяные дощечки с номерами домов и названием "Потемкинцев" — я ходила в первые классы школы мимо этих домов! — называется Новорыбной), так вот, Мишка-Режет-кабана шел от Новорыбной, где на углу с Канатной был долгий годы склад угля, продававшегося мешками и ведрами населению. Все хватало блестящие "камешки" антрацита и чертыкались, когда вместо него там оставался сероватый угольный мусор, плохо горевший, дымивший в "буржуйках" и плитках, которые были в холодное время года спасением одесситов.

Синтаксис у меня хромает. Твоя Таня бы сказала, повторив Генриха Гейне (он, правда, говорил это, по моему, о немецких числительных), что мои длинные предложения можно перебросить через Ла-Манш. Словом, Мишка-Режет-кабана шел по Канатной к Малой Арнаутской. В одной руке, кажется, была записочка тебе балалайка, но в другой точно был бубен, которым Мишка брэнчал в такт своей диковинной пляске. На голове у него была то ли фуражка, то ли какое-то подобие картуза. Поверх этого головного убора был надет веночек из розовых искусственных цветов, подобный тем, которые носили пионеры в колоннах первомайских демонстраций.

Зрелище было захватывающим. И на фоне этого уличного театра поблдевал даже любитель нашей округи — несчастный Вадик. Это был наш "районный" сумасшедший. Из тихих. Он всегда стоял на противоположном углу Канатной и Новорыбной. Человек без возраста, с редкой растительностью на лице, с отросшими волосами, спускавшимися на плечи из-под фуражки, напоминавшей польскую конфедератку. Зимой и летом, кроме конфедератки, на нем был белый парусиновый плащ, приобретающий свою сероватую белизну от одесского солнца и одесских дождей. Вадик произносил что-то невнятное (по моему, у него что-то было с речью), рука была протянута в неназойливом жесте. И он всегда раскачивался. Откуда знали, что он Вадик, мне неизвестно. Все мое детство прошло мимо Вадика. Потом я уехала в Питер. Прошло много лет. И однажды, возвращаясь после работы по Садовой, я вдруг увидела Вадика. В той же конфедератке и том же плаще! Я чуть было не бросилась к нему с объятиями, как к старому знакомому. Но совершенно отсутствующий взгляд меня остановил... Больше Вадика я не видела.

На нашей памяти колоритной фигурой был Пушкин. Правда, он, скорее, был не сумасшедшим, а пьяницей общегородского масштаба и известности. Почему его звали Пушкиным? Кажется, он в людных местах читал стихи Александра Сергеевича. С неординарной внешностью — высокий, грузный, с длинными волосами и бородой. Мы его часто видели на углу Тираспольской и Успенской — углу, славившемся своей винаркой в подвале. Но не только там.

Еще одна героиня этой печальной темы. В послевоенные годы в трамваях, на улицах можно было встретить пожилую женщину с козой. Они были неразлучны (если бы не возраст и несчастный облик, ее можно было назвать Эсмеральдой). Кроме козы, у этой пожилой женщины была еще одна примета: на улице либо в трамвае ее разговор с самой собой прерывался громким и частым иканием.

Однажды на уроке биологии (или как там это называлось в начальных классах) учительница, не помню, в каком контексте, с состраданием упомянула эту женщину, объяснив, что ее икание возникло на нервной почве. Я замерла, а моя одноклассница Эмма Чертова густо покраснела. Эта женщина была ее бабушкой...

Моя семья была, мягко говоря, небогатой. Но как

ИСЧЕЗЛИ...

жили многие мои одноклассники — страшно вспоминать. Эмма и ее младшая сестра Жанна жили в Стурдзовском переулке, на задворках книжной фабрики, когда-то принадлежавшей отцу Веры Инбер. Что-то чуть ли не о родстве с семейством Шпенцер мне рассказывала Эмма. Но то, что эта фабрика принадлежала когда-то семье поэтессы, я впервые услышала именно от Эммы. Жили они: мама, маленькая несчастная женщина, почти безумная бабушка, Эмма с сестрой и несколько коз (ходила ли бабушка с одной и той же козой, либо водила их по очереди — не знаю) — в какой-то хибаре, скорее напоминавшей сарай. Да, собственно, так оно и было. Какая трагедия случилась с семьей (отец погиб на фронте), может, было это жутким наследием гетто, не знаю. Об этом Эмма никогда ничего не говорила. На мой взгляд, она была очень красивой девочкой, неординарной, теперь я таких не вижу — крупная, с красиво поставленной головой, украшенной густыми темно-медными короткими локонами, с красивым носом с горбинкой, изумительным цветом нежной кожи и зелеными-зелеными глазами. Мне кажется, что после школы мы виделись всего лишь несколько раз. Многие годы мне хотелось поехать в Стурдзовский переулок, найти Эмму... Но вот пару лет назад я, встретив свою одноклассницу из того же переулка, спросила об Эмме. "Она недавно уехала в Германию и, кстати, сказала, если я встречу тебя, чтобы передала тебе привет!" Боже, почему мы всегда опаздываем?!

И чтобы завершить этот грустный сюжет, непременно должна вспомнить еще одного героя.

Библиотека имени Горького. Сколько замечательных дней и вечеров было проведено среди ее книжных сокровищ! Мне кажется, что в те годы Горькова дала нам гораздо больше, чем школа. Среди постоянных посетителей были люди, с которыми мы через несколько лет начинали дружить. В отделе искусств я всегда любовалась красивой парой. Я уже училась в Питере, и в очередной приезд домой Женя повел меня к художнику Саше Ануфриеву, на Ремесленную угол Успенской. В Саше и его жене, красавице Рите, я сразу узнала моих знакомых незнакомцев из отдела искусств.

Но вспомнила я о библиотеке потому, что одним из самых неординарных и запомнившихся ее посетителей был человек с внешностью Жюль Верна. Зимой и летом он ходил в рубашке с короткими рукавами, быстрой походкой, никого не замечая. Приходя в библиотеку, а он, мне кажется, бывал там каждый день, "Жюль Верн" заказывал несколько стопок книг, лихорадочно их листал, делал какие-то выписки. Библиотечная легенда твердила, что он был гениальным математиком, сошедшим с ума то ли поисках новых законов мироздания, то ли в попытках решить нерешаемые задачи.

Я вспомнила этих людей, эти эпизоды, понимая, что за каждым стояли какие-то трагедии, но они были такой же неотъемлемой частью нашей жизни, одесского пейзажа, как клены Французского бульвара и катальпы на Екатерининской улице...

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ.

"...Он, приплясывая, шел по Канатной от Новорыбной". Валентина Голубовская вспоминает моего Мишку-Режет-кабана, городского сумасшедшего, вернее, районного — ибо он окормлял улицы и переулки по обе стороны Нового базара. Боюсь, моя скрупулезная конфиденстка спутала Мишку с кем-то из клана Безумцев и Акробатов Господа Бога, странствовавшего по послевоенной Одессе. Полагаю, у них существовало нечто вроде Конвенции сыновей лейтенанта Шмидта, нарушителей которой мог насмерть зашекотать Бабайка...

Да и что, скажи мне, Вая, было делать бедному сумасшедшему, привыкшему к уюту камерного и доброжелательного Нового базара, на дикой Канатной, да еще угол Новорыбной, примыкающей в своем истоке к содомическому "Привозу"? Согласись, добрые безумцы сродни детям, а мне есть что вспомнить... Третьеклассником, а было это в 1949 году, я увязался за первомайской колонной старших ребят нашей мужской 53-й школы (теперь в ее здании на Коблевской — районный суд) и прошел с ней аж до угла этой самой Канатной и Большой Арнаутской, где еще никогда не был. Потоптавшись там минут сорок, демонстранты свернули направо и потянулись к Куликовому полю, где залпы оружейного салюта возвестили о конце военного парада... На всю жизнь я запомнил этот угол: несколько решето водослива справа (если стать лицом к морю) — и сегодня с опаской гляжу на них... С трудом я добрался до дома на Садовой, 6, где жил: шел, плутая по городу, около часа. Почему-то никто из взрослых, у которых я спрашивал дорогу, не посадил меня на трамвай 23-го маршрута... Ну, как было бедному Мишке добираться до пересечения этих удаленных магистралей?

А что до веночка на челе, то Мишка действительно украшал им свою фуражку из зеленого сукна с матерчатой, а не целлюлоидным козырьком (их носили фронтовики в первые месяцы войны в комплекте с обмотками и гимнастерками с отложны-

ми воротниками), но он, скорее, напоминал не свадебный, а кладбищенский, который вывешивают на крестах в Проводы...

Зато признаюсь тебе в своем конфузе. Исполненный гордыни, вздумал уличить тебя, заметившую в предыдущих записках: "Мы часто видели его (речь идет еще об одном из городских сумасшедших — Пушкине, — Ф. К.) на углу Тираспольской и Успенской — углу, славившемся своей винаркой в подвале". "Нет такого угла!" — уже отступал я на своем компьютере в твой адрес, но все же опомнился. Есть такой угол: он образуется в месте, где Успенская, заканчиваясь, плавно, вслед за трамвайной линией 4-го маршрута тыкается в Тираспольскую. Там, замечу, издавна были две подвальные винарки, но нынче осталась только одна — на Успенской стороне. Она не входит в "Большой круг" Олега Губаря, но хорошо ему известна.

Ты вспомнила еще об одном городском, нет, не сумасшедшем, а чудике. О посетителе библиотеки им. Горького, который "весной и летом ходил в рубашке с короткими рукавами, быстрой походкой, никого не замечая". Я его тоже иногда встречал в городе, а вот с другим морозоустойчивым земляком был лично знаком. Фамилия его была Бобер (имя, к сожалению, забыл), служил он корректором в газете "Чорноморська комуна", вместе с которой переехал с Пушкинской в Дом печати. Даже зимой Бобер, крепенький малыш средних лет, ходил в трикотажной бочке с короткими рукавами, брючках с идеальной стрелкой и сандаликах из кокемита. Лишь в самые лютые морозы перекидывал через локтевой сгиб левой руки легкий пиджачок (опять же — с короткими рукавичками!) и выходил на снеженную, продуваемую вихрями площадь им. 50-летия СССР. На мужчин не смотрел, зато ловил женские взгляды и буквально расцветал под ними. Снисходил до разговора о погоде лишь с незабвенным Вадиком Овсянниковым, может быть, потому, что тот и сам в холода ходил в легком расстегнутом пальтишке и красный носик его частенько украшала прозрачная простуженная капелька... Кстати, моя Таня, и сама приверженица закаливаний, повстречав в морозный день безумного Бобера, расстегнувшего на своей бочке две верхние пуговицы, ставила его мне в пример — как просветленного европейца, чуть ли не олимпийца... В середине 80-х Бобер исчез. Говорят, он эмигрировал, но, полагаю, не в Израиль. Что ему делать в этой жаркой стране? Думаю, Бобер осел в Антарктиде, где ему поклоняются добрые пингвины...

Раз мы заговорили о городских сумасшедших и чудиках, отмечу утрату и конгенитальных им психиатров. Как ты знаешь, я в молодости служил по этому ведомству на Слободке-Романовке. Легендарного профессора Айхенвальда, увы, уже не застал, зато много интересного узнал о нем от его племянника Виктора — гедониста и эксгибициониста, лишившегося во время отсидок квартиры и проживавшего в 4-м отделении психбольницы. Кстати, Виктор Айхенвальд был одним из самых колоритных городских сумасшедших, но вовсе не добрых.

Во время ночных дежурств был удостоен бесед с Фрейде коллегой Айхенвальда — доцентом Коганом, утонченным чернокожником и эстетом. Горжусь многолетней дружбой с Джонни Иосифовичем Майером, сохранившим до старости бухарестский шарм и редкостную доброжелательность, которую бескорыстно распространял на многих наших друзей и приятелей. Он представил меня своему учителю — профессору Андрею Юлиановичу Вяисновскому, человеку огромной эрудиции, с которым меня связывали добрые отношения. И Майер, и Вяисновский, и добрейшая, блестящая Поленка Никифорова, и знаток одесской живописной школы Евгений Свидзинский, помогали художникам-"абстракционистам" (термин спецслужб): Олегу Соколову, Шуре Ануфриеву, Вове Стрельникову, Валику Хрущу, Ане Зильберман... Не все перечисленные художники были пациентами этих добрых и просвещенных врачей, но все охотно дарили им свои работы. Впрочем, и те много картин и рисунков покупали в мастерских ребят и на квартирных выставках.

Но оставим, хотя бы на время, эту неисчерпаемую тему.

...Исчезли и маленькие собачки: черно-коричневые, на тонких ножках, тарашившие свои выпуклые глазки с колен старушек, сидевших у ворот на маленьких же скамеечках... Этих метисов именовали карликовыми пинчерами, они звонко тьякали на прохожих...

...Знатки говорят, что практически исчезли честные давалки. Женя объяснит тебе, кто это. В последний раз я услышал о них, когда Саша Журбин играл и пел во Всемирном клубе одесситов номера из своего мюзикла "Биндюжник и король" (по мотивам рассказов Бабея): "Молдаванка, Молдаванка! С детства — честная давалка!"

...Исчезли обидные прозвища, которые во дворах давали мальчикам и девочкам, отличавшимся толщиной либо худобой: "Жиртрест", "Шкиля-макарона", "Желудок"... Впрочем, обиднее всего дразили нас — рыжих: "Рыжая кандала, тебя кошка родила!", "Рыжий пес на пару колес!"... Уверен, Вая, ты дополнишь этот список.

...Уже много лет по радио не передают любимые

мною с детства, приводившие меня в экстаз, заигрывательные мелодии: "Полет шмеля" Римского-Корсакова, "Танец с саблями" Хачатуряна; но, к счастью, иногда все же "врубают" "Болеро" Равеля и "Караван" Эллингтона...

...Уже не услышишь во дворе или в трамвае такие характеристики: штымп, буц, некейва, супник, а также — поцено, поцелю, хотя основное корневое слово двух последних определений все еще крепко удерживает свои позиции. Но кто это ценит?

Твой корреспондент

Феликс КОХРИХТ.

В надежде на продолжение нашего виртуального Мемория.

IV

Феликс, ну почему, почему, как какой-нибудь Чубайс, ты хочешь приватизировать Мишку-Режет-кабана?! Если бы он жил только в такой дали и глуши как Новый базар, вряд ли бы его знал весь город! На Канатной, между прочим, имели честь жить когда-то И. Бларамберг и Волконские, Михаил Жук и Шолом-Алейхем, многие другие весьма почтенные граждане Одессы, среди них и наши сверстники, современники (например, на углу Новорыбной и Канатной, в доме, похожем на постройки Скведера, жил Миша Обуховский, и я, редко проезжая мимо этого мрачного дома эпохи модерна, вижу, заглядывая в современные евроокна первого этажа, когда-то мелькавшие здесь фигуры "рыжего", как его звали, Обуховского-старшего, корреспондента "Сельской жизни" (куда ж податься бедному еврей?!), и его сына, нашего общего приятеля, джазмена, интеллектуала, и во французской столице шелка — Лионе — сохранившего горячую и преданную любовь к Одессе, "кучерявого Мишу", как называл его Саша Ануфриев.

Словом, Мишку-Режет-кабана я не уступлю исключительно Новому базару. Он был общегородской знаменитостью, человеком свободным и гулял, где хотел. Никаких псевдо-Мишек не существовало. И не отнимай, прошу тебя, у меня это веселое и будоражащее воспоминание. Один раз в жизни, но Мишку-Режет-кабана я видела! Я же не говорю, что я видела сумасшедшего Ютку, который требовал у прохожих рубль, в случае отказа грозил плюнуть, предупреждая (то ли брал на испуг!), что у него дурная болезнь. О Ютке рассказывали старики.

Старушки с черными карликовыми пинчерами (с рыжими подпалинами!) обитали, кажется, в каждом одесском дворе. Причем ВСЕХ собачек непременно звали Жульками. Независимо от пола!

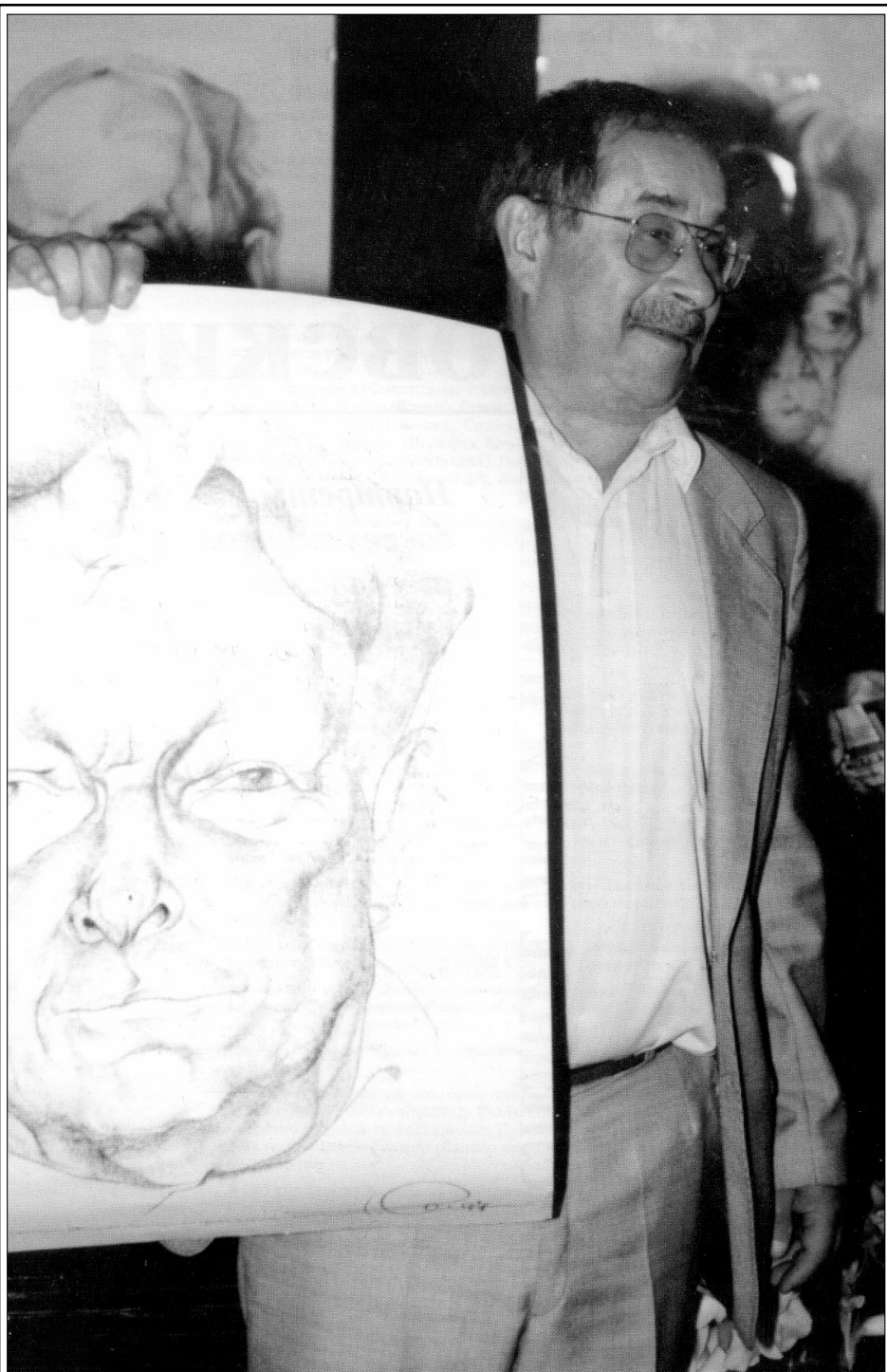
Кстати, об именах. Человечьих. В каждом дворе, в каждом классе был свой Адик. Имя Адольф, очевидно, стало популярным в год пакта Риббентропа — Молотова, во время советско-германской дружбы.

Новые песни придумала жизнь, а с ними и новые популярные имена. Прежние исчезли. Вот наша общая любимица Яся назвала дочку Маргаритой. Редкое имя теперь. В наших дворах детства и наших классах (хотя мы не читали роман Булгакова) это имя было необыкновенно популярно. Исчезли Эммы, Эллы, Фани, Фриды, Нелли, Нонны, Розы. Да что там перечисленные имена. Исчезли Сарры. Со мной в классе учились Сарра Дронова и Сарра Айбиндер. Первая всегда была председателем совета отряда, отличница, вторая — прогуливала первые уроки. Я тащилась в школу, навстречу мне шла одноклассница. На мой риторический вопрос: "Сарка, куда ты идешь?" — она невозмутимо отвечала: "Как куда? В "Короленко", на первый сеанс!" Завидовала я ей безумно. Но у Сарры Айбиндер была подружка, они жили в одном дворе, в Канатном переулке, — Сарра Макаронова, на класс младше. Младшая чуть прихрамывала, но часто я их встречала вместе: зависть моя удивилась! Живут же люди: ходят в кино, когда хотят. Конечно, я тогда не понимала, что эта волница — не от сладкой жизни: отцы не вернулись с фронта, матери тянули всю семью, девочки были предоставлены сами себе и отдавали предпочтение шикарной жизни в трофейных фильмах, а не нудным школьным урокам...

Конечно, среди моих школьных подруг были девочки из состоятельных семей, в чьих квартирах стояла вывезенная из Германии в качестве трофея роскошная мебель, теперь, вспоминая эту мебель, понимаю, что, того не ведая, в детстве видела первоклассные образцы "ар деко"; естественно, о таком понятии мы и не слышали. За стеклом на полках "комбайнов" (почему-то именно так на тогдашнем бытовом языке назывались "буфеты" ар деко) стоял саксонский фарфор, а в ящиках лежали серебряные столовые приборы с готическими монограммами прежних, законных, владельцев.

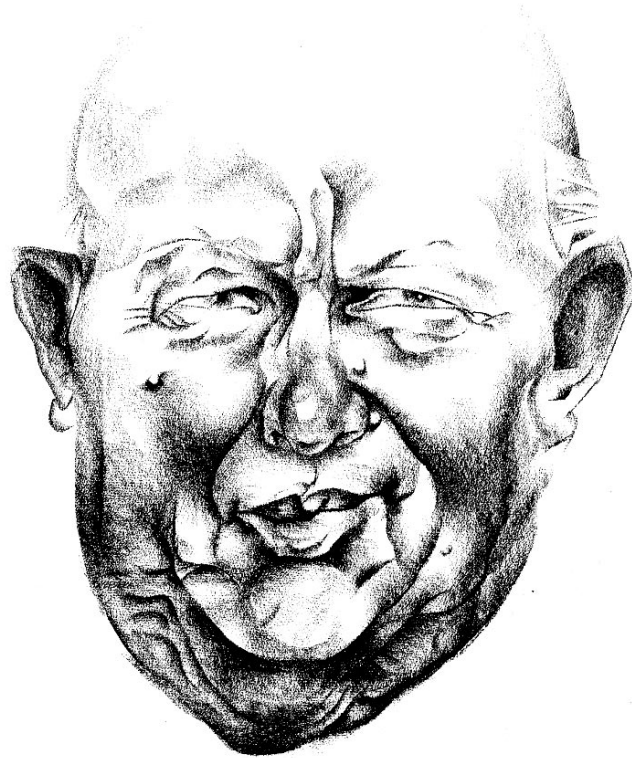
И рядом с этой трофейной роскошью была неопиcуемая бедность многих и многих моих одноклассниц. Какая-нибудь железная кровать, тумбочка, криновый стол. Голое окно...

Не забуду одно посещение. По дороге домой одноклассница (то ли какую-то книжку должна была вернуть, то ли еще зачем-то) предложила на минутку зайти к ней. Она с мамой жила в общежитии на Чижикова. Это была одноэтажная постройка, которую снесли, по моему, только когда началось

Один из известнейших художников-авангардистов Борис Жутовский создал серию портретов своих современников. Благодаря его дружбе с центром "Дом с ангелом" одесситы имели возможность увидеть некоторые из этих работ. С удовольствием показываем нашим читателям работы из каталога Бориса Жутовского.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Никита ХРУЩЕВ

Натан ЭЙДЕЛЬМАН

Андрей СИНЯВСКИЙ

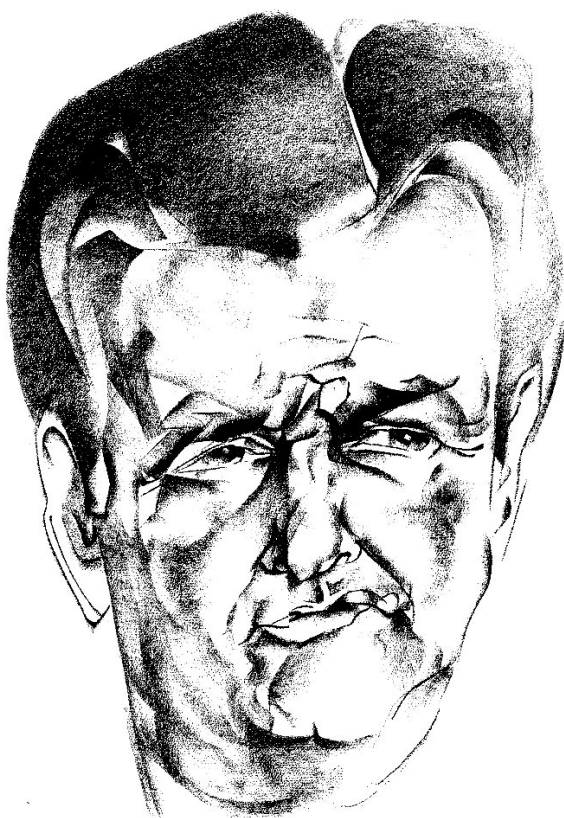
Зиновий ГЕРДТ

Аркадий РАЙКИН

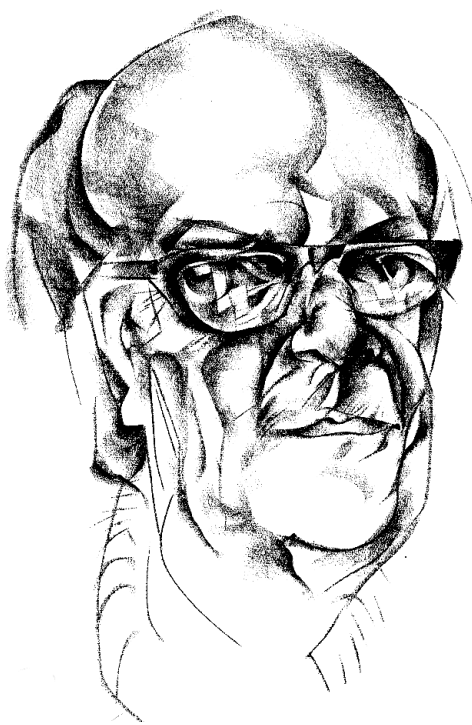
Лев КОПЕЛЕВ

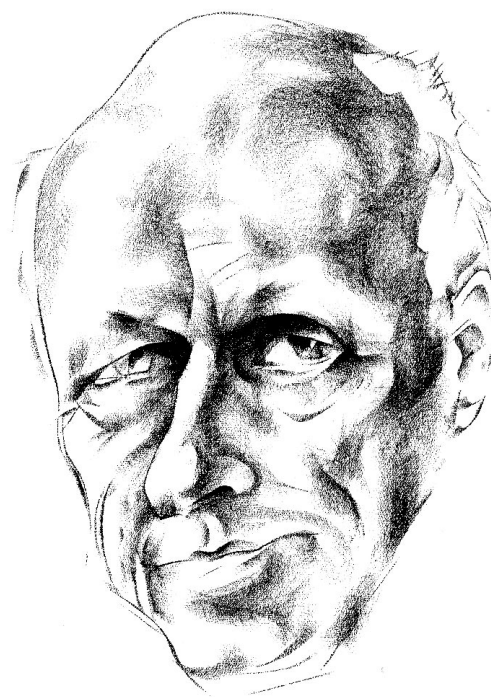
Фазиль ИСКАНДЕР

Булат ОКУДЖАВА

Давид САМОЙЛОВ

Андрей САХАРОВ

ЭТЮД В НАВИГАЦИОННЫХ ОГНЯХ

Когда выходишь на мостик ночью, глаза должны долго привыкать к темноте. Она обрушивается на тебя после светлого коридора и в первое мгновение ошеломляет. Границу света и тьмы ощущаешь почти физически и невольно замираешь, пытаешься понять, что же происходит вокруг. Наверное, так замирали наши предки, откинув шкуру, отделяющую уютную, согретую теплом костра пещеру от враждебного черного мира.

Потом глаза постепенно привыкают, и становится ясным, что темнота на мостике вовсе не такая уж черная и тем более враждебная. Светляками горят индикаторные лампочки на приборах, приглушенно-красным кольцом выделяется подсветка компаса, подмигивает большим зеленым

глазом экран локатора, а впереди, возле лобового стекла, светится огонек сигареты. А вон еще один, еще...

Обычно вахту на мостике несут двое, но сейчас кроме них здесь капитан и все помощники — проходим узкость Дарданелл.

Берега пролива только угадываются по границе, отделяющей звездное небо от темной воды, и по россыпи огней на берегу. На левом — азиатском — их больше, они тянутся непрерывной линией; на правом — европейском — меньше, они расположены небольшими группами. От одной группы к другой, то вновь исчезая, то появляясь, перемещаются хвостом вперед небольшие кометы — фары автомашин, едущих вдоль пролива. Пролит тоже кишит огнями. Одни довольно

быстро перемещаются поперек нашего курса — это катера, соединяющие берега. Другие как бы возникают далеко впереди и, почти не изменяя положения, постепенно увеличивают яркость. Это встречные суда, и чтобы определить, как они движутся, нужно знать целую науку: о навигационных огнях.

Применяя ее, капитан может, например, сказать: если встречное судно светит слева впереди зеленым огнем, то оно собирается пересекать его курс, а если при этом огонь не смещается ни вперед, ни назад, то встречный собирается пересекать не только курс, но и само судно. Впрочем, туристу, путешествующему на красавце-лайнере и любующемуся ночными Дарданеллами, знать это совершенно не обязательно.

Наоборот, так спокойней себя чувствуешь.

Мы не туристы, и наблюдение на мостике ведется по всем правилам навигации.

— Справа двадцать — красный, — докладывает вахтенный.

— Вижу, — отвечает капитан, — что по корме?

— По корме чисто.

— Хорошо, приготовиться квороту.

Навигационную ситуацию можно четко рассмотреть на экране локатора — круглого, выпуклого блюдца, на котором вращающийся луч рисует понятные морякам картинки.

В центре вращения луча — наш теплоход. Четко обозначаемые при каждом обороте пятнышки — другие суда. Некоторые из них помечены квадратиком со стрел-

кой. Это значит, что они движутся, умный прибор сам определил величину и направление скорости. Кстати, такая же стрелка есть и у изображения "Тараса Шевченко". Судно, представляющее для нас наибольшую опасность, может быть помечено треугольником. В этом случае числовые данные о курсе, скорости, дистанции, времени пересечения нашего курса и минимальное расстояние высвечиваются на специальном табло рядом с данными "Тараса Шевченко". Если минимальное расстояние оказывается слишком минимальным, то умный прибор еще и гудит.

Берега канала изображаются на экране в виде больших искривленных пятен. Когда я в Одессе в первый раз увидел сигнал локатора, меня удивило, что

— До чего же мутит от этих "палевых облаков, витиеватых, словно кружева, сотканые ласковыми, сладострастными пальчиками заморских мастериц". Интересно, почему заморских? Своих, что ли, не хватает? Эти сравнения приходят в голову... Кстати, кому такое в голову приходит? Никак любителям засахаренных фруктов и домашнего варенья. Впрочем, что плохого в домашнем варенье? Сидишь январским вечером в уютной маленькой квартирке, пытаешься отогреть масляным радиатором застывшее от еле теплых батарей и зимней выюги художесное тельце, трескаешь бутерброд с вязкой клубничной, сливовой, абрикосовой вкуснятиной. Трескаешь, пардон, вкушаешь и тащишься, пардон, восторгаешься от прочтения какого-нибудь романа, где эти самые палевые облака так и стелются по небесному своду, словно в них смысл всей нашей бренной хомо-сапиенской жизни. Фу. Что фу? Витать в облаках... Не это ли предел бабьих, пардон, дамских мечтаний? Пожалуй, "пардонов" многовато. Может быть, отбросить условности некой псевдоинтеллигентной культуры и не стесняться выражений грубой, но реальной жизни? А что, собственно говоря, псевдоинтеллигентного в палевых облаках, сладострастных пальчиках и витиеватых сотканых заморскими мастерицами кружевах? Да, ничего. Разве что за всеми этими кружевами частенько не видно замысла писателя. Нашел привлекательные образы, оформил в нечто, якобы целостное, и... подсунил впечатлительным дамочкам. Дескать, пусть внемлют игре красивых слов, надо же их приобщать к прекрасному. И срабатывает же! С женщинами вообще многое "мужское" срабатывает.

Подобные мысли не раз приходили в голову Марте. Вот и сегодня она этим грешила. А как все хорошо начиналось: солнечный день, бег трусой, обливание холодной водой, удачно завершенное дело на работе и вообще — хорошее настроение... А вечером она решила погрузиться в чтение современного романа. Погрузилась. Вот "приятность" и закончилась. Осталось только ощущение, будто съела что-то приторно-сладкое. Ее даже затосило. Марта вспомнила, что в юности любила любовную лирику. Но прошли годы, и однажды пришло прозрение, которое тоже вызвало у нее такие же ощущения. Она обнаружила во многих стихах одну нехитрую особенность: вместо того чтобы воспевать любовь, некоторые поэты лелеяли свои страдания. Создавалось впечатление, что им безразличны собственные Музы. Зато страдания, которые дамы причиняли своей холодностью, жестокостью, ветреностью (и т. д.), возводились к вершинам Абсолюта, швырялись к стопам Отца Небесного: дескать, смотри, Папа, как я красиво страдаю. Она меня "кинула", а я

стихи пишу, изливаю свою боль с нежным надрывом. Когда же Папа внезапно обращал внимание на страдания и посылал счастливую (по его, Папиному, понятию) любовь, пиит не реагировал. В лучшем случае ограничивался весьма банальными фразами вроде: она молода, красива и тихо влюблена, но... не люблю ее я, не люблю. Вот ту сразу, стерву и кокетку — да, но не ее... И в самом деле: кому нужна дева, любящая тихо, нежно и без элементов игры? Зачем тихая любовь? Ведь когда на душе покой, писать стихи, как правило, не хочется. Короче говоря, душевный мазохизм. Впрочем, им болеют не только поэты. Да и не все поэты им болеют.

Кстати, о Папе, то есть об Отце. Ее давно "достали" некие искатели "единой истины", пытавшиеся свои экзистенциальные поиски уместить в целую тираду умозаключений. Мыслители и философы "от экзистенции" часто приходили в редакцию городской газеты, где она работала. По роду журналистской деятельности Марте приходилось сталкиваться с разными людьми, но порой бывали просто диковинные экземпляры. Один такой однажды зашел к ней в кабинет. Лысый, как бильярдный шар, плотный, словно мешок с цементом, заявил без зазрения совести, что он... истиновед. Вначале Марта решила, что это городской сумасшедший, но он настаивал на своем — истиновед. Его истина была не сложной — десять заповедей, которые дядечка, как лучший сын своей отчизны, получил, подобно Моисею, в наследство от Самого. Заповедями оказались десять пословиц и поговорок о пользе сна. Истиновед доказывал: чем больше человек спит, тем больше познает истину. Жаль, что он не пришел в редакцию через два дня, когда открывал свою истину другой товарищ, внезапно осознавший: все люди плохи тем, что давно и беспробудно спят, а истина как раз в том, чтобы проснуться. Правда, они оба не видели еще одного своего "коллегу", прибывшего с целью просвещения нездорового души и сознанием народа и, конечно же, коллектива редакции газеты. А суть учения проста — йоговские упражнения, которые он недавно освоил, благодаря чему добился "просветления". Несмотря на все усилия Марты не допустить демонстрации телодвижений, но воиспеченный йог встал в позу "всадник" и пытел (сотворял специальное йоговское дыхание) так громко, что на эти странные звуки сбежались сотрудники из близлежащих комнат и выпровадили его "под белы ручки". Весь в поту от титанических усилий, "всадник" усакал, бормоча: "Мир ужасный! Никто не желает меня слушать". Письма, поступавшие порой в редакцию, тоже отсвечивали экзистенциальностью. Например, дворник, которого беспокоила грязь в подъездах домов, сравнивал ее со

всемирной паутиной, опутавшей мозги, тела, да и всю жизнь плохих человек-разумных. Правда, свое эссе закончил "поэтическим" изыском "бл...дь", употребив его трижды. Еще один опус прислала некая "осознанная" старушка, которая вначале выплеснула весь гнев на голову "плохой" невестки, а затем призналась, что на старости лет прозрела относительно десятилетнего внука. Мальчик оказался ни мало, ни много "психической блохой" и "демоном". Резюме старушки таково — весь мир несется в пропасть, и только она да еще пару хороших бабушек спасутся.

Все эти искатели смысла жизни, не сговариваясь, сходились во мнении: главное наследие, полученное людьми в подарок от Всевышнего, — любовь. Сами-то они никого не любили, но каждый охотился от людей великого и безусловного чувства. Они давно вышли из детского возраста, и для них стала неактуальной фраза пролетарского писателя: "Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: что такое хорошо и что такое плохо?" — но они все равно по-детски чертили

моему, она и мужей часто меняет, чтобы всякий раз была возможность напечатать чайник "бывшему". В том, что виновата сама, признаваться не хочет. Мстит мужу за его душевную недоделанность. Жаль их doch. Ведь она обожает отца. А Ирка ей гадости о нем говорит. Они из-за этого в "контрах". Что-то опять я мыслю как-то негармонично — сленгами да полуправами. Надо вспомнить "палевые" облака, представить себе их утонченность... Нет, лучше представить себя облаком, глазеющим на землю, на маленькие домики и высотки. Представить и лететь... Слова какие-то вертятся в голове. Так...

Зелень сочная струится,
растекаясь травами,
сердце открывает миру...
Свет природных форм,
завершенный запахом и силой,
духом жизни, радугой ветров,
растворяет стены из бетона
и подчеркивает
неподвижность тел...
Тел, чьи души
в камнях превратились.

ПАЛЕВЫЕ

границу между этими понятиями. Чертили в свою пользу. Чет — хорошо, если мне хорошо; нечет — плохо, если мне плохо. Нечет — если кому-то хорошо, от этого мне плохо; чет — если кому-то плохо, какое мне до этого дело? Почему? Просто каждую секунду своего существования они чувствовали себя недолюбленными.

— День удался — саркастически думала Марта. — Размышления идут "косяком". Как вещал персонаж фильма "Здравствуйте, я ваша тетя": "Я старый солдат и не знаю слов любви..." Слово как раз предостаточно, главное — их выучить. "Навешать" о любви можно кому угодно, главное — вовремя самоликвидироваться, чтобы потом за это не получить по роже. Правда, есть такие недолюбленные маньяки, которые из-под земли достанут, пытаясь отомстить за неоправданные надежды. Лучше всего любовью не играть. Вон Ирка до сих пор мстит "бывшему" за то, что была такой дурой и вышла за него замуж. А на что повелась? На его любовь к красивым словесным образам. Когда марш Мендельсона затах, муж ей и продемонстрировал свой настоящий образ. Правда, она уже была беременной. Развелась через десять лет, а теперь каждый ее новый муж бьет первому физиономию. Ирка за эти годы тоже научилась красоте из словес лепить. Вот и убеждает "очередного хахала" в необходимости и осознанности его акта. Это у нее своего рода ритуал. По-

в своей жизни Марте приходилось встречаться с людьми, у которых вместо души булжники и бетонные плиты. Одних "обломали" в детстве, и в качестве самозащиты они выставили заслоны, но были и такие, у которых в графе "дано" — прочерк. Для них не существовало ни любви, ни дружбы, ни сострадания. Только понятие "мое". Таких "конкретных" было мало, они маскировались, но когда наступало их время, нападали, подобно хорошему стратегам, опустошая все вокруг и не оставляя никого в живых. Они шли "по трупам". Правда, некоторые из них уже отправились в мир иной. Умирили тяжело. Говорят, в Библии сказано: "Смерть грешников страшна..." А не грешников? Марта вспомнила глаза малыша, больного СПИДом. Он умирал в больнице, куда она пришла, чтобы взять интервью у заведующей детским отделением. Там и увидела Петеньку. Ему было четыре года, а выглядел, словно годовалый младенец.

Петенька не замечал Марту. Он лежал среди белоснежных простыней — такой маленький, с посиневшими губами — и глядел в потолок. Глаза недетские. Неуютные, неухоженные. Нет, за ним был хороший уход. Медсестры малыша любили. Но ему не хватало маминой любви. "Безмамный" — так его звали работники детского отделения. Отрешенно глядя в потолок, Петенька хмурился, словно узрел там нечто неприятное. Иногда улыбался. Может, палевые облака снимали боль и поднимали настроение? Вряд ли.

лечения особо опасных болезней почек, нежели аппарат искусственной почки? Ведь без него больной не может и три дня прожить. Трудно поверить, что молодые, красивые парни и девушки, мужчины и женщины, с которыми она там познакомилась, смертельно больны. Трудно поверить, что в городе много таких людей... а мест в отделении на всех не хватает...

Ее словно передернуло судорогой, настолько ясно она увидела перед собой глаза пятнадцатилетнего Алеши, лежащего в одном из отделений онкологической больницы. У него был рак костей. С каким трудом ему удавалось передвигаться по палате! Бедный мальчик! Врачи определили срок развития болезни — полгода. Жив ли он сейчас? А эти откровения! Больные часто делились с ней своими мыслями. Например, инсультники, которые "легко" (частичным параличом) отделались от мозгового удара, говорили о своей мечте — снова стать здоровыми. Они еще надеялись. Те, чье состояние было тяжелым, не могли говорить. Они так же, как Петенька, глядели в потолок, рассматривая неведомо что. Здоровых этого не видят. Пока не видят.

За несколько лет журналистской работы Марта пересмотрела почти все свои воззрения на жизнь. Человеческая боль захлестывала, и становилось неловко за собственную: "Мои страдания? Какая чушь! Все же лишь уроки жизни. У других эти самые уроки посложнее. Особенно у детей. Им больнее. Взрослому

берег, ясно различимый слева, на экране изображен справа. Но оказалось, что локатор ориентирован по сторонам света, то есть связан с неподвижной системой координат. Впрочем, есть переключатель, позволяющий связать систему координат с судном. В этом случае наш вектор скорости на экране всегда будет направлен вперед, а берега и другие, даже неподвижные суда станут поворачиваться при изменении нашего курса.

Днем экран локатора закрыт черным светонепроницаемым кожухом, смотреть в него может только один человек. Но сейчас ночь, и я вижу сбоку десяток судов-стрелочек, толкущихся вокруг нашего "Тараса Шевченко".

— На курсе? Скорость? — отрывисто спрашивает капитан.

— 250. 10 узлов, — отвечают по очереди рулевой и старпом.

— Добавьте 5 оборотов.

Народу на мостике много, и каждый занят своим делом.

Один штурман у локатора, другой — у карты. На руле старший матрос, которого специально для этого вызвали по судовой трансляции, еще один матрос ведет наблюдение в бинокль. У ручки машинного телеграфа — старпом.

— 245, — говорит капитан.

— 245, — повторяет рулевой.

Это значит, что поворот начался. Повернуть предстоит на 60 градусов, но делают это постепенно, по 5 градусов.

— 240.

— 240.

Сдвинулась картина мироздания. Прочный и устойчивый мир огней вокруг тебя дрогнул и пошел вкруговую. Машины небесных светил и стоваттная лампочка на топе яхты, стоящей на якоре, одинаково вращаются, чуть подрагивая вместе с корпусом судна. И ось вращения проходит уже не через Полярную звезду, а через тебя, стоящего на капитанском мостике.

— 240 на курсе, — докладывает рулевой.

— 235.

Даже не верится, что мы повернули всего на 10 градусов: так далеко ушел маяк, на который мы раньше держали курс.

— 235 на курсе.

— Одерживать.

Обстановка осложняется тем, что одновременно с нами поворот проходит встречный сухогруз. А за ним — еще один. Пароходы медленно сближаются, уважительно подмигивают друг другу красными ходовыми огнями, и так же медленно расходятся. Впечатление такое, будто два малознакомых джентльмена, встретившись случайно на прогулке, приподняли котелки и чинно разошлись.

Большие пароходы уважают друг друга, чего нельзя сказать о всякой мелочи, днем и ночью шастающей по проливу. Джонкам и катеркам, кажется, нет никакого дела ни до размеров

встречного судна, ни до правил морской вежливости. Достаточно любопытно наблюдать, как они с отчаянием воробыхи, защищающей птенцов, пытаются протаранить своего собрата, который превышает их по размерам в десятки раз. Впрочем, таранов, как правило, не происходит. Малышами руководят отнюдь не безумство храбрых, а точный, основанный на опыте расчет и простой принцип: время — деньги.

Пока я отвлёкся на расхождение с сухогрузом и на катерки, оказалось, что поворот уже окончен. "Тарас Шевченко" лег на курс, слева заискрилась панорама города Чанаккале, а справа впереди выступил из темноты подсвеченный снизу силуэт древней крепости. Из школьного курса истории вдруг всплыло словосочетание "битва при Чанаккале". Кажется, когда-то именно здесь турки сильно потрепали англичан. А может, и на-

оборот. Давно это было: и сама битва, и время, когда я в школе учил историю.

Освещенные в ночи старинные стены настолько красивы, что я спускаюсь в каюту за фотоаппаратом. Знаю, что чувствительности пленки не хватит, а давать ручную выдержку бессмысленно: судно движется достаточно быстро, и за 10 — 15 секунд ракурс успеет оптимально измениться, — но удержаться не могу.

За моими действиями снисходительно следит капитан. Конечно, он понимает всю тщетность моих попыток и, кроме того, видел эту картину не одну сотню раз. Но, оказывается, вид освещенной крепости и яркого города вызывает у мастера еще и другие ассоциации.

— Вы посмотрите, как ярко освещено, — говорит он. — А ведь это Турция. Страна, у которой совсем нет своей нефти.

Сергей ОСТАШКО.

все-таки легче справиться со своим душевным дискомфортом, а вот детям..." Марта вспомнила, как переживал ее двенадцатилетний сын по поводу развода родителей. Как страдал и пытался дать объяснение случившемуся. Она вспомнила письма, которые Артур написал ей прошлым летом, отдыхая на даче.

"...Ты знаешь, мама, как я хотел поскорее уехать из города. Надоел он мне, а еще надоели школа и уроки. Но переступил порог этого старого домика — и стало грустно. Какой-то он другой, слишком ветхий. Еще в прошлом году, когда мы с папой приезжали сюда, все было иначе. Крыша не протекала, да и сарай казался больше. А калитка, которую папа тогда починил, снова покосилась. Наверное, на будущий год я не поеду на дачу, слишком она неудобная..."

"...Сегодня сидели с бабушкой на лавочке у дома. Солнышко светит, а вокруг такая тишина, только пчелки жужжат. И вдруг мне в голову пришла мысль: если бы на один день исчезли все люди в мире! Помнишь, мы с тобой смотрели мультфильм "Праздник непослушания", где

века, он пойдет туда, попросит здоровья, и его услышат?"

"...Вчера ходил на море с Павликом. Он привез с собой из Одессы огромную резиновую камеру, и мы на ней полдня плавали, плескались возле берега и ныряли. Потом решили строить замок из песка. Так увлеклись, что и не заметили, как камера уплыла в море. Когда Павлик обнаружил это — закричал, заплакал. Оказывается, она была подарена его отцом. А с ним мама развелась еще в прошлом году. Пашка так ревел, что я не выдержал и бросился догонять камеру. И даже забыл, что никогда не заплывал "на глубину". Интересно, когда у моего папы будут деньги, он подарит мне надувную лодку?"

Письма... Люди часто писали в редакцию, пытались рассказать о своей жизни. Некоторые просили конкретной помощи — починить крышу, трубу, спасти от хулигана-соседа. Другие делились своими мыслями, страхами. Из всего этого вороха посланий Марте мало что запомнилось. Может, они не смогли затронуть ее душу? Затронуть

— я встретил хорошего учителя. Ты представляешь, он не страдает! Благодаря ему мне с каждым днем становится все забавнее смотреть на "мышиную возню" людей, пребывающих в иллюзии счастливой жизни. Кстати, недавно познакомился с девушкой, и надо же такому случиться — она влюбилась в меня. За что? Цветов и подарков я ей не дарю, комплиментов не говорю. А она утверждает, что любит меня просто так, за то, что я есть на белом свете. Такого не бывает. Она наверняка чего-то хочет. Скорее всего, замуж. Думаю, скоро мы с ней расстанемся. Не хочу слушать о том, чего не существует".

"...Все дальше отрываюсь от мирской суеты. Такое впечатление, что я парю над облаками, а вся мишура где-то там, далеко внизу. Безразличие ко всем людям, влачащим жалкое существование... С девушкой я расстался. Правда, она так рыдала, что в какой-то момент сердце мое дрогнуло. Но потом поговорил с учителем, и он объяснил мне, что истинный путь — без жалости и сострадания. На работе меня обходят десятой дорогой. Го-

прошлые мысли и теории ошибочны. Понял, что все это время, которое теперь по праву могу назвать потерянными, барахтался в жалости к себе, думая, что окружающие виноваты в моих несчастьях. А ведь мне было так хорошо — комфорт, налаженный быт, работа, девушка, которая меня любила. Все мое философствование ушло на задний план. То, чего я не замечал, будучи выброшенным на улицу, по силе воздействия на мою душу не сравнится ни с какими художественными фильмами. Я видел реальных людей, умирающих от голода, среди них были дети; женщин, торгующих собой за несколько гривен, мужиков, сбивающихся в "стаи", идущих "на дело". Но от всей этой чернухи у меня, как это ни парадоксально, проснулась жажда жизни. Не буду утруждать тебя подробностями. Скажу только одно: если бы не добрые люди, которые помогли мне, я бы не выжил. А ведь раньше я считал, что добрых самаритян не существует, что это всего лишь сказки для умалишенных.

...Сейчас живу у тетки, родной сестры матери, устроился на работу, но главное: больше не страдаю от болезни юношеского возраста — пессимизма. Чего и тебе желаю. А если начнут мучить раздумья о бренности всего земного, подумай о том, что жизнь иногда преподносит свои уроки, и они не всегда бывают иллюстрацией наших теорий и умозаключений. Надеюсь, смогу убедить тебя при встрече".

Встрече не суждено было состояться. Марту слишком поглотила суета. А потом пришло известие о смерти Саши. Поверить, что его нет... Она поверила. Он перестал звонить и писать письма. Но в голове все-таки не укладывалось, что он умер. Сегодня она впервые почувствовала это так остро. Почему-то ей вспомнилось, как когда-то они стояли на крыше пятнадцатитажки, рассматривали облака и делились своими планами на будущее, в которых их жизни если и пересекались, то только на бумаге, то есть в письмах. Тогда они много смеялись, и Саша называл ее Малышом, а себя — Карлсоном.

Для Марты никогда не имела значения сказка о толстом чловеке Карлсоне. Но Саша знал: один эпизод этой сказки ей нравился всегда — прогулка по крышам. Он один знал, как часто она там бывает. Откуда такое странное пристрастие? Просто однажды, стоя на крыше, Марта почувствовала долгожданный миг свободы. Свободы от тесных стен, уличной суеты, толчеи в общественном транспорте, бесконечной спешки, постоянных опасений чего-то не успеть, не сделать. Где-то там проезжают машины, скрипя тормозами и сигнала проходом, бегущим по своим делам. А здесь можно стоять, подобно неподвижному сфинксу, наслаждаясь красотой своего города и кратким мигом "ничего неделания". Именно на крыше она впервые почувствова-

ла значение строк, написанных Анной Ахматовой: "Неистощима только синева небесная и милосердие бога". Удивительное проникновение в душу этих слов не стерлось даже со временем. Не растворилось во времени и желание, стоя на самом краю крыши, раскинуть руки и, подобно чеховской героине, произнести: "Я — чайка!" Но произнести, не как она: печально и обреченно, сетуя, что земля не носит на себе ни единого живого существа, что на лугу уже не слышатся с криком журавли, а майских жуков не слышно в липовых рощах... А сказать радостно и легко. И потом улететь. Пусть недалеко — в сторону Приморского бульвара, чтобы с крыши дворца графа Воронцова полюбоваться влюбленными парочками. Или на Потемкинскую лестницу, чтобы насладиться видом Одесского порта. А может быть, на морвокзал, где пересекаются пути многих людей, где рождаются надежды, где девушки ожидают из дальних странствий своих избранников, и где не только романтические поэты, но и "крутые" меломаны черпают свое вдохновение. Туда, где сбываются сны...

Мысли, воспоминания, фантазии. Сегодня Марте не хотелось на крышу. Сегодня она до боли ощутила, что в ее жизни наступил некий предел. Предел надеждам, планам, представлениям, мыслям, чувствам, словам, делам. Слово она дошла до какой-то черты, а кто-то настойчиво велит ей остановиться. Не сама ли? "Может, это предел моей любви к жизни? Но есть ли предел у любви?" — думала она. Перед глазами возникли лица сына, родителей, друзей, сослуживцев. И сразу же нахлынули чувства. "Как же я люблю их! И жизнь..." — засмеялась она. Но тут ее снова передернуло: "А смерть?" Она замерла, ожидая ответа от самой себя. В душе появились сомнения и страх. И вдруг Марта поняла: она любит даже смерть. Ведь именно эта "старуха с косой" подталкивает людей к прощению врагов и обидчиков. Именно эта "злодейка", забывая родных, близких и друзей, пытается научить человека любить их по-настоящему и предлагает оценить такое краткое, полное творческих идей, но порой такое мучительное и абсурдное существование. Но главное — смерть с каждого без исключения срывает покровы иллюзий, лишая самодовольства, и ведет, словно поводья слепого, к одной-единственной истине — равенству. От этих простых мыслей стало намного легче, и Марта облегченно вздохнула. Перед ее глазами мелькнула удивительная картина: все до единого люди стоят на одной огромной крыше, полностью прикрываясь земной шар, и глядят в небо, гадая, на что же похожи проплывающие над их головами бледно-желтые с розоватым оттенком облака. Палевые облака. Люди счастливо улыбаются, и в их глазах нет страха.

Татьяна ОРБАТОВА.

ОБЛАКА

дети остались одни без родителей в большом городе? Мне хочется, чтобы остались только ты, я, папа, бабушка и дедушка. Гуляешь спокойно по улицам Одессы. Нет пьяниц, наркоманов. Нет бомжей. И главное — пустые "Мерседесы" и джипы. Можно отыскать себе машину получше и играть несколько часов в водителя. И еще представляешь, мама, целый день без криков тети Зои с третьего этажа и кривляний Лепика? Как хорошо!

Например, папа мог бы зайти в самый престижный банк, сесть в кресло управляющего и почувствовать себя человеком. Может, из-за того, что ему не хватает уверенности в себе, он не нашел работу и стал пить?

Для тебя я сам выбрал бы модные сапожки на высоком каблучке, платье и лучшую косметику. Тебе это очень нужно. Будешь снова такой же молодой и красивой, как раньше. А еще я взял бы для тебя на цветочном базаре самые красивые букеты роз. Что нужно бабушке, ты сама знаешь — политические новости. Но если нет людей, какие новости? По крайней мере, бабуля один день не смотрела бы телевизор и не слушала радио.

Иногда мне кажется: достаточно поверить в чудо, и оно произойдет. Но сколько ни пытаюсь верить, ничего не получается. Вот и бабушка у нас неверующий. Видно, совсем отчаялся, но держится, говорит, надеяться надо только на себя. А сам такой слабый, больной. Может, если исчезнут все люди и в церкви не будет ни единого чело-

как, как это удалось его другу детства. Она будто услышала его голос: "Привет, Малыш!" Саша... Как жаль, что его нет в живых. Какие-то подонки его убили. Все, что осталось на память о нем: небольшое фото и письма.

"...Привет, Марта! В моей жизни много неудач, и ты это знаешь. Недоласканный сын, нелюбимый мужчина и попросту невезучий — все это я. Постоянное неудовольствие судьбой погрузило меня в отчаяние и пессимизм. Надежда отыскать смысл своего существования не оправдалась, и со временем жизнь окрасилась в черный цвет. Я стал принимать все меры предосторожности, чтобы оградить себя от боли. Счастье, любовь, любимое дело утратили для меня свой смысл. Очевидным стало то, что все в этой жизни: рождение, разлука с любимой, неудовлетворенное желание, смерть — приносит одно страдание. Любая привязанность ко всему земному стала мукой. Понятны теперь взгляды Гейне, который смотрел на жизнь, как на бедствие, поскольку видел в сердцах людей ложь, лицемерие, а в их жизни — нищету. По моему мнению, сумма страданий превышает сумму наслаждений. Поэтому счастье недостижимо, его в действительности не существует. А значит, надо выработать в себе равнодушие ко всему, подавлять желания..."

"...Знаешь, уже удается лучше контролировать свои эмоции. Этому способствуют некоторые методики развития духа. Мне повезло

ворят, что я ленивый, занудливый и циничный. Не приглашают на свои "междусобойчики", не рассказывают о своих проблемах. Но это хорошо. Их жизнь — такая скучная, нелепая..."

"...Прости, что так долго не писал. Просто в моей жизни произошли страшные события. Умерла мама. Ушла тихо, во сне, даже не попрощалась. Для меня это был шок. Похороны прошли как в тумане, месяц после ее смерти — тоже. Я словно умер вместе с ней. Ничего не видел, ничего не воспринимал, перестал ходить на работу, не встречался с учителем. Но он сам нашел меня. Сказал, что уезжает из города навсегда, предложил поехать вместе на Урал. Но для поездки нужны деньги, вот я и продал мамину квартиру, уволился. До Урала мы не добрались. По крайней мере, я. Ночью в поезде у меня исчезли все деньги, бесследно, как и "драгоценный" учитель. Банально, не правда ли? В одно мгновение я превратился из социально нормального в нищего и бомжа.

Что такое быть нищим, уразумел, после того как сам стал таким. Ничто не приносит больших страданий и унижений, чем нищета. До конца это может понять лишь тот, кто по-настоящему испытал ее. Почти неделю не ел, а попросить у кого-нибудь еды или денег было стыдно. Как заработать в чужом городе, тоже не знал. Ночевал на вокзале. Холод, страх, постоянное напряжение. Только тогда я осознал, насколько не приспособлен к выживанию и насколько все мои

РОДНИК НЕЗАМУТНЕННОГО СЛОВА

На фоне современной русской литературы, обрушившей на читателя поток примитивной мысли и еще более примитивного языка (я уж не говорю об откровенной цензурщине, перешедшей в ранг нормативной лексики), увидеть незамутненные строки добротной прозы и поэзии — почти что чудо. Вглядываясь в имя автора — и со стыдом признаешься, что тебе оно ни о чем не говорит. Но стыд, однако, быстро проходит: даже маститые литературоведы вряд ли могут похвастать тем, что знакомы с творчеством Перикла Ставрова. А между тем...

А между тем:

Уже запутавшись в сетях,
Очередьми перебегая,
На запрокинутых огнях
Река плывет, как неживая.

Ей, сквозь туман,
как легкий бред,
Ей, сквозь вуаль недоумения,
Наутро, в пять,
чуть брезжит свет,
Уже шептать про наводнения.

Ей просыпаться, скажем, в пять,
Сквозь блеск и всхлип
перемогаясь,
Ей про ненастье бормотать,
Свинцовым холодом вздуваясь.

Ей, спотыкаясь о мосты,
Под блеск ночных недоумений
Переворачивать листы
Несовершенных преступлений.

На черных сваях, наспех, вплавь,
Без оправданий, без допросов,
Пока пугающая явь
Не встанет призраком белесым.

Какая, однако, чистота языка, сила поэтического образа, глубина настроения. Кажется, вовсе не автор, а именно ты стоишь на берегу этой реки ранним туманным утром и именно тебе нашептывает она свои тайны, делится своим недоумением...

Такое впечатление, что строки эти — не из нашего, а из давно ушедшего времени: столько в них непривычного для конца двадцатого — начала двадцать первого веков лиризма, душевности. Впечатление, впрочем, не обманывает. Перикл Ставров, хотя и принадлежит к великой школе русской поэзии, стихи эти написал не сегодня и даже не вчера. А — несколько десятилетий назад.

Вернул нам практически забытого поэта Всемирный клуб одесситов, который, собирая по всему миру где крохи, а где и целые пласты одесской культуры прошлого, издал в своем родном городе сборник стихов и прозы Перикла Ставрова.

Издал, конечно, не случайно: Ставров был коренным одесситом, здесь он родился (в 1895 году), окончил гимназию, в 1918 году, еще до прихода большевиков, успел окончить юридический факультет Новороссийского университета. А через восемь лет, пресытившись правлением новой власти (можно себе представить, как ее воспринимала нежная поэтическая душа, знающая к тому же толк в юридическом деле), покинул и Одессу, и весь "советский берег".

Бегство это, хотя и было официально оформлено, далось ему нелегко. Граница была на замке, и только наличие греческого паспорта позволило Периклу Ставрову получить, наконец, разрешение на отъезд вместе с женой Машей.

Греческий паспорт — не фикция, и об этом говорит также имя поэта, названного в честь древнего греческого стратега-преобразователя. Греки поселились на берегах Черного моря еще до нашей эры, а в Одессе греческие названия, имена и фамилии звучат такими же своими, как все остальные. Естественно, в кругу своих Ставров именовать себя более простым и привычным — Петр, но и сама фамилия оказалась литературным псевдонимом: настоящее имя поэта — Перикл

Ставропуло — полностью отражало греческое происхождение.

То, что Перикл Ставров принадлежал русской культуре, не было, разумеется, явлением необычным. Русские Валентин Катаев и Евгений Петров, еврей Исаак Бабель и Эдуард Багрицкий, украинцы Владимир Сосюра и Иван Микитенко, поляк Юрий Олеся и грузин Георгий Цагарели — все эти поэты, прозаики, публицисты составляли костяк южнорусской литературной школы, и в нее по праву входил Перикл Ставров.

П. Ставров писал по-русски, переводил с русского на греческий, а затем, в годы эмиграции, на фран-

цузский. Правда, в самой Одессе публиковался крайне редко и жил в основном на гонорары за скетчи для театра. Свободолюбивая греческая кровь, видимо, дала о себе знать в первые годы новой власти. Перикл не захотел по примеру многих коллег по литературному цеху остаться советским писателем и уехал в родную Грецию, в Афины. Но там, как он сам признавался, все считали его с женой русскими, и это было правдой: он чувствовал себя хорошо только среди русских эмигрантов. Потому и уехал в Париж, где обосновалась большая русская эмигрантская колония.

В Париже и вышел в 1933 году первый сборник стихов Ставрова "Без последствий". К моменту выхода книги поэт был известным человеком в русском литературном Париже, постоянным участником "воскресений" у Мережковского и других парижских изданий.

В 1937 году Ставров выпустил второй стихотворный сборник "Ночью" и в том же году вместе с аргентинцем В. Ллоном перевел на французский язык "Золотого теленка" Ильи Ильфа и Евгения Петрова, а также "Петра Первого" Алексея Толстого, открыв таким образом для французского читателя шедевры новой русской литературы.

Сейчас обе поэтические книги Перикла Ставрова передо мной. К сожалению, не те уникальные парижские издания тридцатых годов (их возвращение в наше время — отдельная история), но их содержа-

мое от этого не пострадало. Новая книга поэта "На взмахе крыла", изданная Всемирным клубом одесситов при финансовой поддержке одесского отделения Греческого фонда культуры, максимально полно отразила творчество Ставрова. Кроме стихов, вошедших семьдесят лет назад в оба сборника, здесь опубликована также проза Перикла Ставрова: его воспоминания об Эдуарде Багрицком, о русском философе Николае Бердяеве (который жил и умер в парижском пригороде Кламаре), о русском герое французского Сопротивления Борисе Вильде.

Автор раскрывает перед нами интересные, малоизвестные, а под-

публикации Ставрова, но в Одессе никаких следов творчества поэта не осталось. И тогда он обратился за помощью к своему другу и коллеге, живущему во Франции, Виталию Амурскому, сотруднику русской редакции Международного французского радио и ведущему известной передачи "Литературный перекресток".

Виталий — и мой добрый знакомый. Он не только переслал мне свежешедший сборник Перикла Ставрова (составителем которого стал наряду с Евгением Голубовским), но и рассказал об интересных поисках, предпринятых с целью возвращения литературного наследия поэта на родину.

Второй сборник Ставрова — "Ночью" — я нашел довольно просто. Обратился в парижскую русскую библиотеку имени Тургенева и обнаружил его в разделе редких изданий. Однако снять копию оказалось проблемой: копировальной машины в библиотеке нет, выносить книги из "редкого" отдела нельзя. Выручило исключительно доверительное отношение ко мне, как к старому посетителю библиотеки, со стороны главного библиотекаря Татьяны Гладковой. Знаток эмигрантских изданий, давно и серьезно занимающийся историей русских книг и периодики за рубежом, она, узнав о цели моего визита, разрешила мне в порядке исключения взять сборник Ставрова для копирования.

В этой же библиотеке мне удалось найти в старых периодических изданиях с десятком публикаций Ставрова. Меня интересовали и подробности личной жизни поэта, ведь о парижском периоде почти ничего не было известно. Зная, что Перикл скончался в феврале 1955 года, я решил найти сведения о нем в эмигрантских газетах того времени. Но в библиотеке Института славяноведения, где совсем недавно хранилось довольно большое количество этих газет, теперь осталось лишь немногое. Основной газетный фонд передан в Нантер, в Библиотеку современной международной документации. Здесь я и нашел нью-йоркскую газету "Новое русское слово" за февраль 1955 года, в которой была опубликована статья Юрия Терапиано "Памяти П.С. Ставрова". В ней автор подробно рассказывает о жизненном пути поэта.

Но в библиотеке Нантера меня ждали еще более впечатляющие находки. Листая русско-американскую периодику того времени, я обнаружил в ней целый ряд рассказов и воспоминаний Ставрова.

Признаюсь, не только читать, но и перелистывать пожелтевшие страницы старых газет было непросто делом. Несмотря на замечательную систему хранения, годы берут свое, и газеты настолько хрупки, что боишься даже дышать на них. Но какое удовольствие я получил, погружаясь в давние строки!

Уверен, что найденное мной — далеко не все наследие поэта. Но времени для более глубоких поисков, к сожалению, очень мало. Однако и то, что вышло сегодня в Одессе, представляет самое полное, лучшее собрание его стихов. Для этого издания мне удалось найти оригинал фотографии, на которой запечатлены авторы и сотрудники издававшегося в Париже русского журнала "Числа" — ее мне предоставил один из серьезных знатоков русской эмиграции, французский историк Андрей Корляков. На этой фотографии запечатлен и Перикл Ставров.

В присланной Вами книге опубликованы воспоминания поэта о хорошо знакомых нам людях — Багрицком, Бердяеве... Каковы вообще были духовные связи Ставрова? Знаем мы что-либо о его окружении?

— Знаем, и очень хорошо. Ставров упоминается в "Дневниках" Зинаиды Гиппиус, в мемуарах Нины Берберовой, в опубликованных письмах Георгия Адамовича, в книге Василия Яновского "Поля Ели-

сейские". В дружеский круг поэта входили молодые поэты и прозаики, печатавшиеся, как и он, в "Числах", "Современных записках", "Русских записках" и других эмигрантских изданиях. Он бывал на воскресных встречах в Кламаре у Бердяева, общался с такими крупными французскими писателями, как Андре Мальро, Клод Авелин, Дрие ла Рошель, поддерживал отношения с крупнейшими советскими писателями. Все это говорит и о том, что Ставров представлял собой яркую, многогранную личность, с ним охотно шли на контакт самые видные деятели культуры.

Ведь не случайно он был избран председателем объединения русских писателей и поэтов Франции, причем исполнял эту должность в самые трудные военные годы. Юрий Терапиано пишет в "Новом русском слове": хотя в годы фашистской оккупации все русские общественные организации во Франции были закрыты, объединение русских писателей действовало негласно, занимаясь, в первую очередь, помощью остро нуждавшимся литераторам. В эти годы квартира Ставрова была местом конспиративных встреч писателей и поэтов, где можно было поделитьсь новостями, а порой и переночевать.

После войны Ставров писал для "Нового русского слова" статьи по вопросам литературы и искусства, переводил на французский рассказы Бунина, деятельно участвовал в литературной жизни русского Парижа.

— Виталий, как Вы сами рассуждаете о выходе книги Ставрова на его родине?

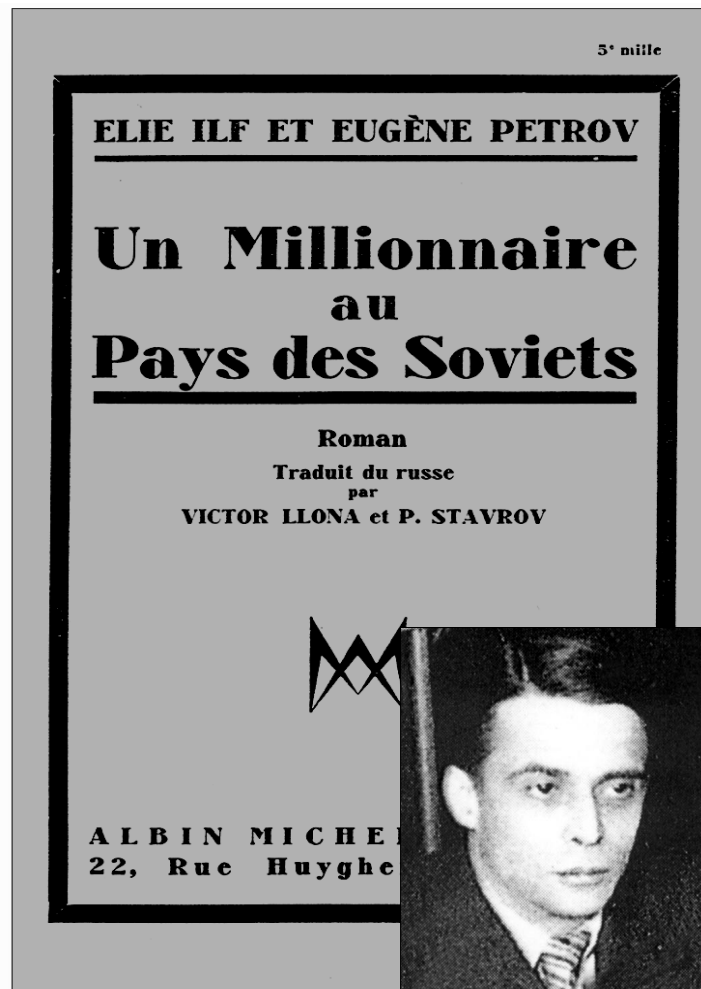
— Не хочу произносить дежурные слова, но меня радует каждая публикация, в которой сохраняется не просто нормативная лексика, но родниковый русский язык, подлинные культурные традиции. К сожалению, нынешняя российская словесность занимается, в основном, профанацией литературы, и в этом не вина ее, а беда: загроможденная литературная посредственность чувствует себя хорошо прежде всего там, где нет требовательного читателя. На этом фоне творчество Перикла Ставрова современно как никогда. Оно есть достоянием культуры. Его язык чист, образы рельефны, в каждом произведении — своя мысль, своя идея. Такая нравственно чистая литература актуальна и нужна всегда.

...Похоронен Перикл Ставров под Парижем, на кладбище городка Брюно. В последние годы жизни он очень болел, но мужественно переносил и болезни, и нужду. Тот же американский автор "Нового русского слова", Юрий Терапиано, с пониманием пишет о судьбах многих русских литераторов в парижской эмиграции: "Лишенные после войны возможности существовать на литературный заработок, в большинстве случаев уже молодые и больные люди, иногда — инвалиды, многие парижские литераторы постоянно испытывают ряд материальных и моральных трудностей. Нелегко вести борьбу за существование, довольствуясь случайным, скудным литературным заработком, временной работой или единовременной выдачей из Литературного фонда, и так — годы. Ставров тоже прошел через это испытание.. Нужно иметь большое личное мужество и сдержанность, чтобы терпеть молча. Ставров имел это мужество, дотерпев до конца".

Стихи поэта возвращены читателю. Это наилучший способ для потомков выразить свою благодарность поэту. Отраднее, что Одесса не забывает одесситов, при какой бы власти и в каких бы краях они ни жили. Вдвойне отраднее, что они возвращают на родину забытые имена. Возвращают Культуру.

Яков ЗУБАРЕВ.

"Новости недели", Израиль.
(Публикуется с любезного разрешения автора.)

Обложка первого издания перевода В. Ллона и П. Ставрова книги "Золотой теленок" на французский язык

Перикл Ставров, 1934 г.

час и совсем неизвестные страницы жизни людей, с которыми был знаком лично. Но самое главное, конечно, — поэтическое наследие, эти дышащие жизнью, энергией и прекрасным русским языком стихи.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

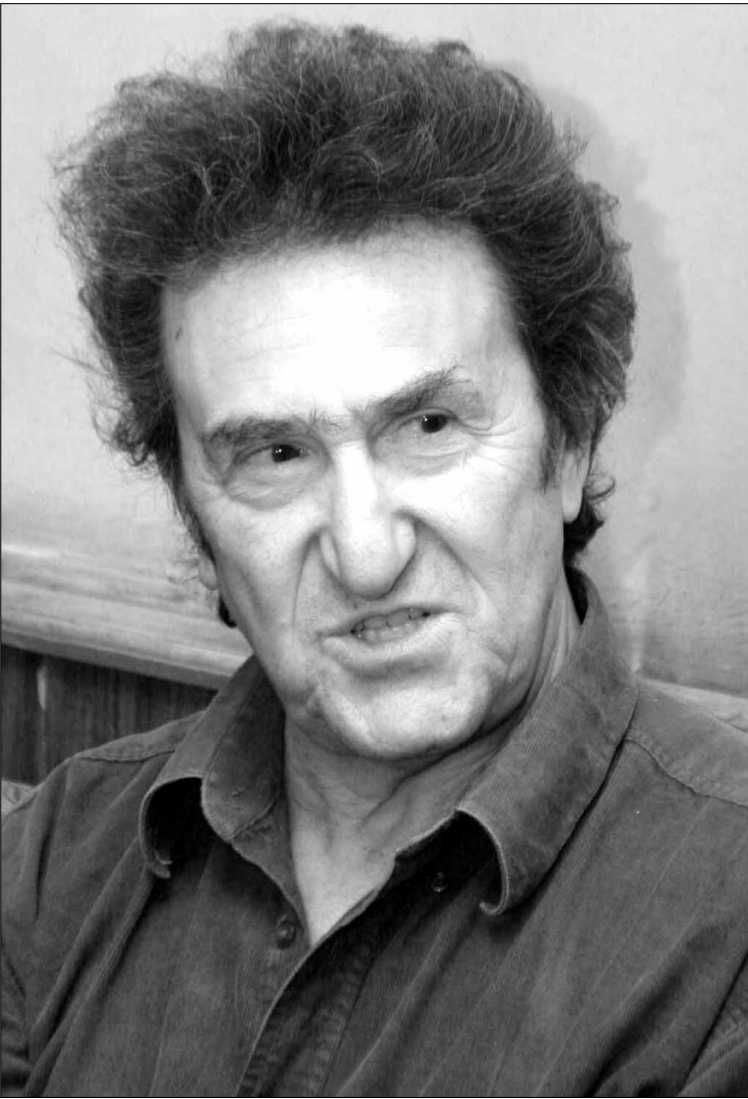
Уже дыханье ветра — лед,
И синева в сухих морщинах,
И снасти — только перелет
Над неразвергшейся пучиной.

И бурной ночи перерыв,
Уже как дрожь воспоминанья,
И флаг на мачте — вечный взрыв
Несомкнутого отчаяния.
А небо — голубым огнем
На неживой пергамент кожи...
Какой волны крутой подъем
В последний раз ему поможет?

"Подъем волны", вернувший поэзию Перикла Ставрова потомкам, оказался, действительно, крутым и неожиданно удачным. В предисловии к книге одесский журналист Евгений Голубовский пишет, что за это возвращение мы должны быть благодарны, прежде всего, Александру Ильичу Ильфу, дочери известного писателя. Все эти десятилетия у нее хранился первый парижский сборник Пыры (так называли Перикла в кругу друзей), который тот подарил Ильфу во время их встречи в Париже в 1934 году. На этой книге есть и дарственная надпись автора.

Увидев этот сборник, Голубовский загорелся идеей отыскать все

«В БЛАЖЕННОЙ РОЛИ НАБЛЮДАТЕЛЯ»

Автор неувядаемых "гариков" всех времен и народов (по крайней мере, русскоязычных), Игорь Губерман, вновь посетил Одессу.

— Игорь Губерман, кроме того, что он сидел в камере с заключенным по кличке "Одесса", еще чем-нибудь связан с Одессой?

— Безумным количеством... Юношеским обожанием Паустовского, знанием наизусть километров ранних стихов Веры Инбер — не детских: она ведь в начале века писала настоящие стихи. Людями, с которыми здесь общался. Я езжу по всему миру, это не преувеличение, везде невероятно заметны одесситы. Вы-то это чувствуете как урон, а я, когда приезжаю — как удачу. Например, Брайтон Бич — это Одесса, и там очень трудно читать стихи. Сидят первые ряды с каменными мордами: "Мы из Одессы — что ты нам можешь смешного рассказать?" Есть некий спортивный азарт...

Есть места, куда я езжу с удовольствием, и есть места, куда я езжу, чтобы прокормить семью. Одесса — это большое удовольствие.

— Вы — зять Лидии Либединской. Еще один зять, я его хорошо помню, Гриша Патлас, учился у моей жены на курсах киноактеров.

— Все пропало! Школа Вашей жены пропала, потому что Гриша стал раввином. Он со всем пылом еврейского юноши сначала в христианство, это часто бывало на просторах Российской империи. Теперь он убежденный, пламенный раввин, учился в иешиве, продолжает учиться. У него десятки преданных учеников, и разговаривать с ним стало намного тяжелее. Он теперь знает все, у него на все есть ответ.

— Продолжаете ли Вы писать "гарики"? Или устали от этой формы, захотелось чего-нибудь другого, например, написать поэму? Или Вы в "гариках" себя в достаточной мере реализуете?

— Ваш вопрос напомнил мне традиционный ответ следователю: "Не шейте мне новое дело". Нет, "гарики" я пишу, хотя гораздо меньше. Издал две книжки новых стихов и книгу воспоминаний. У меня сейчас время писать мемуары.

— Вашу старую книжку я однажды купил на одесском Староконном базаре, увидев Ваш автограф: "В борьбе за народное дело я был инородное те-

ло"... Вы до сих пор ощущаете себя "инородным телом"?

— По счастью, да. Я в стороне от политической жизни, и в Израиле в том числе. У нас она кипит чудовищно... Представляете себе страну, в которой пять миллионов евреев...

— Это пять миллионов партий.

— Ну, чуть-чуть меньше, вдвое — втрое... Но это восемь миллионов мнений. Я ощущаю себя в блаженной роли наблюдателя: ни в какой жизни не участвую — ни в общественной, ни в политической...

— А в литературной? В литературной жизни России, Израиля?

— Думаю, что тоже нет. Я не люблю этих слов — "литературный процесс", "литературная жизнь". Помните, у Блока: "Там жили поэты, и каждый встречал / Другого надменной улыбкой..." И в России, и в Израиле — все совершенно одинаково...

— Вот я слышал, как Татьяна Толстая и Дуня Смирнова пытались Кибирова, говорили ему о том, что он лучший поэт России; я так не считаю. Есть ли у Вас сегодня тройка — пятерка любимых поэтов?

— Да, безусловно, и к ним относится Кибиров в первую очередь. Я очень не люблю эту передачу — "Школа злословия" — и спокойно об этом говорю, потому что я профессиональный журналист, долго работал на радио, телевидении, и, мне кажется, непрофессионально разговаривать с человеком, немедленно обсуждать его приватно и переносить это на экран.

Кибиров, по-моему, один из первых поэтов России. Двух поэтов я читаю с наслаждением, и если бы у меня были деньги, я бы заставил этих людей жить в такой башне, чтобы они писали только стихи. Я говорю о Кибирове и Игоре Иртеньеве: оба — потрясающие поэты, с потрясающей душой. Иртеньева я просто обожаю. У него такая потрясающая смесь обэриутов и Зощенко. Но есть еще очень хорошие поэты...

— А "школа Бродского"?

— Вы имеете в виду Наймана, Рейна? Нет, это несерьезные, на мой взгляд, поэты, это такие "ахматовиоиды", "мандельштамовиоиды". И потом, они старые... А я имею в виду тех, кто в самой поре. Время от времени попадают потрясающие молодые поэты.

— А в Израиле русских поэтов можете назвать? Я знаю одесситов, уехавших в Израиль... Рита Бальмина, например.

— Потрясающая поэтесса! Клянусь, я бы ее первой назвал, но она уехала в Америку... В Израиле есть несколько поэтов, но чтобы это было явление... Там чрезвычайное количество поэтов: ведь сейчас все стало подругому, не надо стоять в очереди, есть пятьсот — тысяча долларов — можешь издать книжку.

Они мне присылают свои стихи для рекомендации в Союз писателей. Я обычно прошу, чтобы не присылали стихи, а только сообщали адрес, и я пришлю рекомендацию.

— Вот Вы сказали, что пишете мемуары. А просто прозу — не тянет ли?

— Очень тянет, но я не прозаик, и все, что я писал, очень слабо... Я написал... не роман, портрет — восстановил судьбу одного потрясающего человека, Николая Бруни, он был поэт, прозаик, музыкант, незаурядный художник, скульптор. Но это не проза в том смысле...

— В доме Либединской, я знаю, был культ Крученых, любил обэриутов, ценили настоящую литературу.

— Вы знаете, как к поэту, теще относится ко мне без уважения (смеется).

— Вы в этом доме почерпнули что-то, я имею в виду — книжные полки, разговоры?..

— Думаю, что да. Я очень люблю тещу, это редкость, конечно...

— Несмотря на то, что она вдова Либединского?

— А я Либединского не осуждаю, как не осуждал всех такого рода писателей, даже Фадеева, потому что время было чудовищное — ломало, гнуло и коверкало; и совершенно неизвестно, как бы мы себя вели. Никто же не знает, как будет себя вести на допросе, под пытками, в тяжелых ситуациях. Жили под таким прессом, их вполне можно понять.

Мне у тещи всегда очень интересно, у нее сумасшедший вкус к литературе и знание ее невероятное, невероятное чувство талантливых людей. Я с наслаждением общался у тещи с Тоником Эйдельманом. Святой памяти человек, историк, к сожалению, сегодня начисто забытый молодыми. Гриша Горин, профессор Давидович — одессит, кстати... Много хороших людей.

— У Вас расписано время так, что Вы знаете, где будете через месяц, через два?..

— Нет, я бездельник, время мое абсолютно не расписано, даже на неделю вперед. Я очень ленивый, месяцами сижу дома за компьютером, читаю книжки, читать я очень люблю. Могу обидеть Ваш литературный вкус, но, тем не менее, скажу — Акунина обожаю.

— Я понимаю, что он мастер, умница, очень много знает. Он придумал систему, но очень долго работает в одной и той же системе, боится из нее выскочить.

— "Чайкой" и "Гамлетом" он выскочил. Но его цикл с Фандориным — совершенно блестящий. Не забывайте, что тот же самый Акунин под своей настоящей фамилией Чхартишвили написал изумительную вещь.

— О самоубийстве, да.

— Очень люблю Пелевина, кроме последних двух книг. "Чапаев и

Пустота" — замечательно. Люблю женщин-прозаиков. Во-первых, я обожаю Дину Рубину (может, еще и потому, что дружу с ней), и мне кажется, что она очень крупный писатель. Люблю прозу Улицкой.

Я читаю толстые российские журналы, штук пять: "Звезду", "Новый мир", "Октябрь"...

С мазохистским наслаждением читаю журнал, который Вы наверняка не читаете, будучи интеллигентом и снобом. Есть такой "черный" журнал "Наш современник", читать его безумно интересно. Он сохранился по-прежнему злобным и бездарным, но в нем отражены... не люблю слова "духовность", а "ментальность" тем более, потому что мне кажется, что оно произошло от слова "мент"... процессы какие-то умственные, происходящие в России. Во-первых, сразу понятно, кто виноват во всем...

— В Одессе бывал Вадим Кожин, бывал у меня на даче, и самое смешное, что лет сорок назад он приехал по рекомендации...

— Бахтина небось...

— Нет, Бориса Слуцкого — как начинающий и очень прогрессивный. Он многое сделал...

— Безусловно. Нет совсем однозначных людей...

— На эстраде Вы читаете наизусть?

— Нет, у меня такие листочки, "костыли", я в них подглядываю. А то, что помню, читаю друзьям, там неформальная лексика...

— Кстати, о неформальной лексике. То, что Вы ее употребляете, знает весь народ России. Ее употребляли и Лермонтов, и Пушкин. Вопрос — в какой мере и когда? Одно дело — в письме другу, другое — в печати. Вы играете тут, или Вам кажется, что обедняет русский язык, если Вы не будете его пользоваться "вширь и вглубь"?

— У меня нет на этот счет убежденного, точного ответа. В молодости, когда я только приступал, это было смешно, но очень быстро стало органикой. Мне кажется, на самом деле это естественная часть "великого и могучего". Обратите внимание: если бы авторы были пуритане, то не было бы Юза Алешковского, огромного прозаика, не было бы Венички Ерофеева, гениального автора.

Стоит ли "съезжать" на неформальную лексику? Когда какой-то 12-летний подросток рубается матом в подъезде, чтобы девочка Настя поняла, что он взрослый, это, конечно, низкое употребление. А вот на заборах — высокое.

— Спасибо. Приезжайте почаще в Одессу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
(при участии Инны НАЙДИС).

Фото Олега Владимирского.

БИТВА ЗА ГОНОРАР

Момент был подходящий: судя по афишам, в город приезжает Жванецкий. Я поставил последнюю точку, перечитал написанное и с удовольствием подумал:

— А ведь у меня и впрямь не хуже, чем у Михаила Михайловича.

Впрочем, что в этом особенного. Нужно только в определенных местах текста вставлять монологи типа "Так это было, или этого не было? Так этого не было, или это было?", а промежутки заполнять междометиями. В общем, предвкушая приличный гонорар, бросил рукопись в дипломат и без малейших колебаний отправился в редакцию. Заведующему литотделом лаконично представился:

— Михаил Михайлович Жванецкий, — и протянул рукопись.

— Жванецкий? — удивился зав, — но...

— Так "но", или вы прочитаете рукопись? — отпаривал я.

Через пять минут рукопись была прочитана, но недоверие зав не исчезло.

— Вы уж меня извините, — отважился заливототделом, — но у Жванецкого лицо как-то круглее и, простите, животик побольше.

Целую неделю я подгонял лицо и живот под Жванецкого, благо моей зарплаты как раз хватило на пару буханок хлеба в день.

— Ну, теперь-то вы признаете во мне Жванецкого? — спросил я

зав, усаживаясь в кресло. — Как говорят в Одессе: "Таки да или таки нет?"

Зав внимательно осмотрел меня, помялся и, наконец, произнес:

— Понимаете, до пояса вы действительно похожи на Жванецкого: и лысына есть, и лицо круглое, и животик — слава Богу. Но Михаил Михайлович, как я уловил из телепередач, ходит в джинсах, а на вас, извините, приличные доперестроечного периода брюки.

В сарае, среди тряпья, я отыскал старые изношенные джинсы, расширил в поясе, вставил клин и пошел в редакцию.

— Послушайте, — набросился я на завотделом, — весь мир знает

Жванецкого, один вы не знаете. Что теперь вам не так?

Побледневший зав долго молчал, затем, заикаясь, выдавил:

— Весь мир знает не только самого Жванецкого, но и его знаменитый портфель. А у вас на коленях замшевый дипломат с никелированной табличкой и дарственной гравировкой на ней: "Дорогому юбиляру Ю.Д. Полискому от друзей".

— Как можно было так опростоволоситься? — грыз я себя по дороге домой.

Но не сдаваться же, когда до финиша буквально шаг. И старый рыжий портфель с поломанными замками, в котором по вечерам я выносил мусорные пакеты, завершил ансамбль "а ля Жванецкий".

...Я выскочил из автобуса, одолел последний угловой поворот и вышел на финишную прямую. В

каких-то пятнадцати метрах виднелась заветная редакция дверь, ручку которой тянул на себя... сам Михаил Михайлович Жванецкий. Сомнений быть не могло: во-первых, афиши, а во-вторых, точь-в-точь как по телевизору: лысына, животик, джинсы и знаменитый портфель.

Все. Битва за гонорар была проиграна.

Никем не замеченный и уничтоженный, я стоял, не имея сил сдвинуться с места. А когда за Жванецким захлопнулась дверь, я услышал, как наблюдавшая за входом из открытого окна приемной бдительная секретарша крикнула заведующему литотделом:

— Сергей Петрович! Приготовьтесь: опять этот Полицкий пришел!

Юрий ПОЛИССКИЙ.

Виктор Макиенко

КАК Я БЫЛ АРТИСТОМ КИНО

Память почти фотографически запечатлела события этих нескольких дней в моей жизни. Но — увы! — негатив, как говорится, бесследно утрачен, а сама фотография несколько потускнела от времени, и на ней хорошо виден лишь первый план и несколько хуже — второй. Что касается третьего, четвертого и прочих планов, то с каждым годом надежды на их реставрацию становятся все более призрачными, а рассмотреть дату происходящих событий на оборотной стороне фотокарточки становится все труднее и труднее.

В детстве, которое иногда называют кудрявым, я чуть было не стал артистом кино, и, кто знает, быть может, и моя судьба, и судьба отечественного, а возможно, и мирового кинематографа сложились бы совсем по-другому, если бы не... Итак, как говорят киноманы: "Мотор! Дубль первый! Снимаем!"

...Это был обычный летний выходной день. Воскресенье. Тогда был только один выходной день в неделю. Его ждали. В этот день мама готовила особенно вкусные "воскресные" блюда. В этот день надевали самую дорогую и самую нарядную одежду. А вскоре по радио даже запоют песенку с незатейливыми словами от имени простой рабочей девчонки: "Я кофточку рабочую сменяю на костюм..."

У моего отца никогда не было приличного выходного костюма. Он всю свою недолгую взрослую жизнь проходил в военной форме: серая шинель, китель или гимнастерка, "кирза" или хромовые сапоги, броуки-галифе... Впрочем, в жаркие летние дни — выходные! — он иногда надевал белые парусиновые брюки, белые парусиновые туфли и вышитую украинскую сорочку, которую, если летний зной становился невыносимым, сменяла "сеточка" — что-то вроде колчуги-авоськи, связанной из белых ниток.

Обычно я брал отца под руку, и мы вдвоем, если мать оставалась дома на хозяйстве, после воскресного завтрака отправлялись гулять по городу. Я уже знал наперед, что папа непременно купит мне в ближайшем гастрономе пирожное — слоеный язык, присыпанный сверху крупными кристаллами сахара-песка, — и леденцы в круглой, плоской жестяной коробочке с острым краем. В таких коробочках, когда они опустевали, я хранил марки, рыболовные крючки, сломанные зажигалки, старинные монеты и прочие мальчишеские "ценности". А сами коробочки долго пахли зелеными леденцами, чем-то напоминающими мне матовые кусочки стекла, которые время от времени выносятся на песчаные берега крутыми морскими волнами.

В этот день на мне была выходная одежда: майка, короткие, до колен, брюки, тоже из парусины. Они уверенно держались на мне благодаря двум шлейкам, rekreцивающимися на груди и спине, как патронные ленты у революционного матроса. На ногах у меня были красные сандалии, твердая кожа которых за день могла до крови — даже носки не спасали! — натереть над пятками кровотокающие раны.

Мы медленно вышли из своего двора на Дегтярной и, как всегда, направились в сторону улицы Толстого, где рядом с маленьким уютным сквериком, на месте которого сегодня находится памятник автору "Войны и мира", была конечная остановка самого первого, а значит, и самого юного одесского троллейбуса. Нет! На троллейбус мы не сели и в кружевной тени деревьев отправились пешком в сторону Соборной площади.

По иссиня-черной булыжной мостовой изредка прошмыгивали сосредоточенно скорбившиеся коричневые "Победы" и легко пританцовывали на небольших выбоинах щекастые и веселые серые "Москвичи". Они "бибикали" от всей души, напоминая пешеходам, переходящим улицу в неподобающем месте, об их — пешеходов! — брэнном существовании.

В сквере на площади был установлен гипсовый, но выкрашенный "под бронзу", памятник Владимиру Ильичу и Иосифу Виссарионовичу. Вожди удобно расположились — сидеть вместе им уже оставалось совсем недолго! — в плетеном кресле. Они довольно увлеченно — климат Одессы к этому, очевидно, располагал! — о чем-то беседовали. Рядом был разбит газон, мастерски изображавший карту европейской территории Советского Союза. На карте расположились — в миниатюре! — и главные города, и электростанции, а дно рек и каналов, по которым

бежала вода, было облицовано плитками синего кафеля.

Выходной? И без пломбира? А эскимо в шоколаде? Или, на худой конец, очень дешовое "фруктово-ягодное" с ароматом малины?

Продавщица открыла голубой фанерный короб, разрисованный белыми снежинками, из которого, несмотря на жаркий день, торжественно выплыло легкое облачко сизого тумана. Разумеется, мороженое полагалось запить "колючей" газировкой — лучше с сиропом! А тут уж как душа пожелает: хошь тебе яблочко-грушевый, золотистый, искрящийся в стакане крошон, а хошь тебе — крем-сода или другое вишневое удовольствие.

Неподалеку от памятника генералу Воронцову, возле передвижной тележки-ларька для продажи газированной воды изо дня в день повторялся один и тот же спектакль. Вот лишь несколько коротеньких, но полных внутреннего драматизма реплик из того представления, подсказанных мне сегодня суфлером по имени память: "Вода несладкая... Опять сироп не долили... Дачи на сироплах строят..."

О! Публичное обвинение в постройке дач тогда было достаточно оскорбительным (разумеется, уголовно не наказуемым) и равносильным обвинению в фармазонстве.

Вспоминается случай, когда во время очередного дворового скандала скромная женщина-милиционер, работница городского паспортного стола, у которой была небольшая халабуда на Фонтане, сама себя загнала в "ловушку". Она неосторожно обронила в адрес некоего дяди Петя, любителя открывать чужие сараи и почтовые ящики, следующие слова: "Было бы лучше, если б вы поменьше пили вина..." Довольный оплошностью оппонента, находчивый ("Эврика!") дядя Петя с достоинством и афористично ответил в присутствии прибывавших на шум ("Будете свидетелями!") соседей: "Ну, что ж! Кто-то винцо попивает, а кто-то..." Здесь дядя Петя сделал многозначительную паузу, после чего добавил: "...а кто-то дачи строит!" Да, товарищ милиционер, тут уж, как говорится, вам и крыть нечем!

В этот день, впрочем, как и в другие, на Соборке, со стороны кинотеатра им. Горького и "Театрального кафе", в котором по вечерам играл на ксилофоне один из жильцов нашего двора Семен Бродский (Макс Южный), переминались с ноги на ногу футбольные болельщики-фанаты. Да! Здесь кипели шекспировские страсти и разгорались жаркие споры, порой заканчивавшиеся смешными до слез скандалами или бессильными взаимными угрозами.

Под сенью каштанов и акаций цыгане торговали пицалками "уди-уди" и надутыми здесь же — по желанию покупателя! — до огромных размеров резиновыми шарамми. Губы "шародунов" были окрашены в анилиновые цвета, что вызывало даже некоторое отвращение к купленным шарикам-игрушкам, которые могли оказаться, по мнению родителей, "заразными". Здесь также можно было прикупить оловянные детские пистолеты-пугачи, изгвавшие, впрочем, далеко не игрушечное пламя при соответствующем "шумовом оформлении".

Работал — хорошее слово! — фонтан. Тогда так и говорили: "Ура! Фонтан работает!" Или с досадой "У-у-у! Фонтан не работает!" Ах, какое это было счастье — и для детей, и для взрослых! — наблюдать за этой "работой", когда струи воды, распыленные до мельчайших капель, радостно, с тихим шумом устремлялись ввысь к голубому небу, а над молочно-белой чашей фонтана-труженика появлялась, словно после летней грозы, красавица-радуга.

Рядом с кинотеатром безногий чистильщик ловко чистил прохожим обувь, а другой инвалид, сидевший в инвалидной коляске, продавал разноцветные ордесские колодки и подпрыгивающие на резинках шарики, сделанные из тонкой "серебряной" фольги, заполненной обыкновенными древесными опилками.

На углу улиц Дерибасовской и Советской Армии (Преображенской) под часами тусовались какие-то прилично одетые молодые люди, проводившие здесь почти все свое свободное время, поэтому при необходимости их всегда можно было отыскать как в будни, так и в выходные дни. Троиш я узнал. Одним из них был высокий и дородный волейболист Вова Ген

из нашего двора, а вторым — живущий на нашей же улице, очень добродушный и уравновешенный, прятанный в рукавах пиджака тяжелые мускулы Гриша, фамилию которого, в отличие от "пятой графы" в его биографии, я — увы! — запамятовал. Ходили слухи, что лысоватый Гриша какое-то время даже был "королем Дерибасовской".

Кто был третьим — разумеется, в хорошем смысле слова? А третьим был мой родной брат Анатолий, поведавший мне в свое время о королевском сане вышеупомянутого Гриши. Да! Третьим был мой дорогой брат Анатолий, учивший меня читать и писать. И любить поэзию Пушкина, которому теперь в моей стране присвоили — посмертно! — звание "поэт-иностранец". Да! Третьим был мой брат Анатолий Кравец (бывают и у родных братьев разные фамилии), которого безуспешно пытались разыскать выпускники 1952 года одесской средней школы № 107, приехавшие из разных стран на встречу в серое здание по улице Толстого. Они громко заявили о себе со страниц "Всемирных одесских новостей": "Полвека позади, и мы еще живем!..." Правда, тогда уже тяжелолюбной Анатолий — Анатолий Ефимович! — так и не узнал об этой немного грустной и до слез трогательной встрече его одноклассников.

Затем по какой-то причине мы с отцом оказались в другом конце города на заново отстроенном после войны железнодорожном вокзале. В зале ожидания степенно вышагивал дежурный старшина — "железнодорожный" милиционер. На голове стража правопорядка красовалась фуражка с ядовито-малиновым околышем, справа на боку у него висела кожаная кобура с наганом, а слева — огромная сабля. Широкие малиновые лампасы делали его похожим на какого-то генерала.

В центре главного зала, напротив входа, находился небольшой фонтан, окруженный неглубоким бассейном, где плескались юркие караси и не спеша проплывали крупные "золотые" рыбки. На дне бассейна было много серебряных и медных монет, брошенных туда отъезжающими в надежде снова вернуться в наш город.

В "Двенадцати стульях" гениальные сатирики живописно отображали усатую личность "мужеского" пола, мычащую "жили же люди!" при посещении музеев, где экспонатами была богатая квартирная мебель или какая-либо другая утварь, ранее принадлежавшая — еще "до исторического материализма!" — состоятельным людям. Надо сказать, что этот образ спустя десятилетия после опубликования бессмертного романа нисколько не потерял своей актуальности. Жив курилка и сегодня. Жив! "Усатая личность" может сбрить усы или даже сменить пол, однако, мурло мешанина все равно проявляет себя в тех или иных похожих ситуациях.

Так было и тогда. Какой-то прилично одетый и на вид интеллигентный гражданин, взиравший не столько на веселые игры рыбок, сколько на поблескивающие на дне бассейна монеты, завистливо промычал: "М-м-м!.. Повезло! Повезло уборщице!" И надо же! Случайно оказавшаяся рядом с ним еще не старая, но уже увядшая, плоская, как доска, женщина, державшая в руках веник и ведро, сказала: "А шоб тебя так повезло! Паразит!" И замахнулась веником на "интеллигента", который тут же юркнул в толпу и, как говорят в подобных случаях, быстро "слинял".

Мы уже собирались уходить, когда к нам подошла стройная, элегантная женщина — в этих вопросах я уже понемногу начинал разбираться! — в модном крепдешиновом платье. Она пристально посмотрела на меня и спросила у отца что-то вроде того, не хочет ли он, чтобы его способный сын (молочина! Сразу заметила!) снимался в кино. Наталья Петровна, так, скажем, звали ассистента режиссера, объяснила, что подыскивает мальчика на главную роль — то ли героического партизанского связного, то ли бесстрашного юнга.

По дороге домой я мысленно повторял загадочные слова, сказанные Натальей Петровной: "Рабочее название картины..." Путь в киноартисты казался мне легким и безоблачным. Нет! Никто лучше меня не сможет на киностудии громко и с выражением прочитать стихотворение... А может, все-таки басно?...

Едва зайдя в дом, папа торжественно произнес: "Наш сын будет сниматься в кино!" Бабушка Женя — маленькая, ладная и

очень сильная! — всплеснула руками, а мама, любовно глядя на своего располневшего сына, как говорится, "на полном серьезе" поинтересовалась: "А он в объектив поместится?"

Ну что? Конец первой серии?

...В центре города мы — я и бабушка — сели в трамвай, идущий в сторону Аркадии и знаменитого института Филатова.

Пробили ("динь-динь!") корабельные склянки, и погруженный до самой ватерлинии корабль, борта которого облепили карманники, медленно отчалил от небольшой пристани под названием Греческая площадь.

Я сидел у открытого окна, за которым проплывал жаркий июль. Разросшиеся ветки высаженных вдоль трамвайной линии деревьев дерзко врывались в распаханное окна-иллюминаторы. Напротив меня какой-то мальчуган в легкой курточке с матросским воротником сосредоточенно "управлял" трамваем, вертя в руках, словно корабельный штурвал, обыкновенный бублик.

— Кондуктор! Передайте путейой! — вдруг послышалось из капитанской рубки. — Контролер! Контролер! — тревожное "СОС", заставая врасплох растерянных пассажиров, хлынуло в кают-компанию и выплеснулось на корму-площадку вагона, откуда на полном ходу корабля выпрыгнули за борт несколько удалыков.

— Ваш билет? — грозно спрашивает подошедший контролер. Я замираю от ужаса, зная, что никакого билета в вагонной суতোлке бабушка Женя не приобрела (льгот тогда пенсионеры не имели) и что нас непременно оштрафуют.

— Тута! — сказала бабушка, показывая контролеру сжатый кулак, в котором якобы находился билет, — тута!

— Так! А у мальчика?

Я, девятилетний румянощекий толстун, прикрытый сверху маленькой детской панамкой, сгорбился на деревянном сидении между окном и бабушкой, чтобы казаться поменьше.

— А мальчику еще нет и пяти лет... Как раз на следующую неделю у него день рождения... Вот будет ровно пять...

— Однако же... гм!.. крупный мальчик...

— А отец у него... крупный! — объясняла контролеру моя полуграмотная бабушка, видимо, интуитивно чувствуя, что законы буржуазной науки генетики помогут ей сберечь какую-то мелочь на хлеб. Контролер прошел мимо, а я с облегчением вздохнул.

Бабушка не любила сорить деньгами, даже если это была какая-то мелочь, тем более что у этой мелочи была по тем временам неплохая покупательная способность.

Вспоминается такой эпизод. За пару лет до описанных событий парк им. Шевченко еще был огорожен довольно высоким каменным забором, и, чтобы оказаться на территории этого очага культуры и отдыха, нужно было купить билет. Можно было, конечно, попасть за забор и другим путем: спуститься по головокружильному размытому ливнями глиняному склону в сторону еще не обустроенной Отрады, а затем уже по относительно цивилизованной, но длинной и утомительной дороге свободно зайти в парк с "черного входа". Некоторые так и поступали.

Но бабушка Женя предпочитала импровизацию. Не прыгать же через забор! Однажды, когда у входа в парк в начале Маршлевской улицы "привратник" протянул руку за входными билетами — "для контроля", маленькая бабушка, по-видимому, не ожидая для самой себя спросила его грозным голосом: "Да ты знаешь, что я теща Громова?" Пока оторопелый страж приводил в порядок свои мысли, как говорится, расстроженные "после вчерашнего", и вспоминал фамилии городских начальников, бабушка с внуком быстрым шагом прошли мимо и "потерялись" за высокими кустами сирени. Ей-богу! Так и было!

...И вот мы с бабушкой — у ворот Одесской киностудии, правда, не у главных, а у других, находящихся на несколько сот метров правее в сторону Аркадии.

Мы вошли в большой двор, где, на удивление, уже было довольно много претендентов на главную роль "юнга-партизана". Рыжеволосые и брюнеты, блондины и не очень блондины, курносые и не очень курносые, высокие и маленькие, румяные, бледные, смуглые, круглолицые и тоже — не очень, не очень... Здесь были довольно упитанные толстуны вроде меня, которым двор или улица приклеивали кличку "каба-

ся", или худые, которых нарекали "шкиля" или более живописно — "шкиля-макарона".

Я даже увидел нескольких знакомых ребят из родной сто седьмой школы, которые тут же отвернулись. Один из них — Витька Ш-р по кличке "Носорог", отобранный у меня титул лучшего певца школы, — держал в руках скрипку, правда, без смычка. Присутствие скрипки, очевидно, было весомым аргументом в пользу артистичного Вити в предстоящем состязании юных талантов.

— Ну вот! — с досадой произнесла бабушка. — Говорила тебе, чтобы утром долго не возился! Видишь, сколько народу?

Да! Конкурентов было действительно довольно много, что, впрочем, меня несколько не смущало, поскольку такие артисты, как я, "на дороге не валяются". Мы уселись на какую-то скамейку в тени небольшого дерева. Впрочем, тень быстро переместилась в другое место, и летнее солнце нещадно припекало мою голову. Не спасала и белая панамка. Напротив нас находился какой-то допотопный одноэтажный барак, где, как мы уже догадались, и будет проводиться отбор в артисты.

Где-то в вышине над нами кружились любопытные чайки, а вдаль за барак, в просветах между деревьями, угадывался обрыв над морем, а еще дальше — и сама сине-зеленая громада, по которой, судя по легкому ветерку, неторопливо бежали белые барашки волн.

Будущие бабочкины и геловани, чарли чаплины и бернесы с оглушительными воплями играли "в сало", кувыркались в выгоревшей траве и отважно лазили по высоким деревьям. Однако июльский зной делал свое дело, и постепенно голоса утомленных детей затихали, а они, сонные и проголодавшиеся, постепенно возвращались под опеку находящихся здесь же родителей.

— Безобразие! — громко сказала бабушка. — Голодный ребенок томится на жару без питья...

Она достала из черной, как говорят, "выдавшей виды" хозяйственной сумки хлеб, десяток вареных яиц и малосольные огурцы. Я с апетитом начал уничтожать принесенную предусмотрительной бабушкой снедь. Громко хрумкая упругими, как резина, огурцами, запивая их сладким вишневым компотом, оказавшимся весьма кстати. А когда я, уминая очередной огурец, начал разбивать уже шестое яйцо, бабушка, заметив, что на мою живописную "трапезу" начинают обращать "нездоровое" внимание окружающие, раздраженно сказала мне самые грубые по отношению ко мне — и это один-единственный раз на моей памяти! — слова: "Хватит уже жрать! В артисты не возьмут!"

В общем-то, бабушка никогда не говорила грубых слов. Ее самым "страшным" ругательством было выражение "лошадь Петра Великого". Оно обычно нарочито громко адресовалось какой-нибудь даме (с солидной, как правило, комплекцией), нечаянно наступившей бабушке на ногу в очереди или в трамвае. Ездить в троллейбусе бабушка Женя почему-то опасалась.

— Дети! Пройдите, пожалуйста, в помещение! — произнес какой-то мужчина тонким неприятным голосом.

И вот, наконец, вместе с остальными кандидатами на главную кинороль я оказался в вышеупомянутом темноватом барак. Нас выстроили у стены в линию шеренгу, а напротив на нескольких пыльных и расшатанных стульях разместились, так сказать, оценочная комиссия. Несколько дядек с какой-то загадочной улыбкой, взятой, очевидно, напрокат с шедевра великого Леонардо, напряженно глядя в лица, оценивая, по-видимому, наши фотогеничность и врожденную способность импровизировать перед объективом стрекочущего киноаппарата.

На меня никто упорно не обращал никакого внимания, хотя я преданным собачьим взглядом, не отрывая глаз, смотрел на отборочно-оценочную комиссию. Постепенно в моей душе стала появляться тревога ("Вдруг не возьмут?"), а потом — и какая-то ненависть к этим киношникам, не способным заметить с первого взгляда настоящий талант. Я очень обрадовался, когда в барак зашла ассистент режиссера — та самая Наталья Петровна, правильно оценившая мой артистический дар. Фу-у! Наконец! Она подошла к "главному", сразу же по-своему обнявшему ее за талию, и кивнула в мою сторону. "Главный" нехотя пробежался сонным взглядом по моей румяной физиономии и — уже в который раз! — обратил свой взор в центр шеренги, где стоял симпатичный стройный паренек. Голова сего отрока была увенчана роскошной — не по возрасту! — шевелюрой, чем-то напоми-

нающей серо-зеленый стог скошенного сена, который я когда-то видел за городом.

"Главный" и его сотоварищи начали переговариваться между собой, проявляя, очевидно, полную солидарность по отношению к кандидатуре на главную кинороль. Эти дебаты продолжались добрую четверть часа, и все это время шеренга из нескольких десятков мальчиков-непосед и одной девочки стояла — на удивление! — неподвижно и скорбно, как на похоронах, наблюдая как сотоварищи и "главный", чуть зажмурив глаза, одобритительно кивали головами, поочередно поднимая вверх большой палец то правой, то левой руки ("Левша!" — подумал Штирлиц").

Неожиданно для всех из шеренги вышел маленький мальчик и очень громко, чеканя каждое слово и старательно выговаривая букву "р", произнес: "Александр Сергеевич Пушкин! У лукоморья дуб зеленый!" И начался известный стихотворный рассказ об ученом мурлыке-сказочнике, искусно владеющем эстрадным разговорным жанром, да и обо всем остальном, что хорошо известно каждому из нас с детства.

"Главный" и сотоварищи некоторое время обалдело смотрели на малыша, с трудом соображая, что же, в конце концов, происходит. Наконец "главный" зычно скомандовал в блестящий жестяной рупор, услужливо переданный ему одним из сотоварищей: "Наталья Петровна! Успокойте мальчика!" Малыша с большим трудом уgomонили и аккуратно, как музейный экспонат, водрузили на старое место в шеренгу. На какое-то время в барак наступила тягостная тишина.

— Все! — опять раздался тот же противный голос. — Можете идти!

Шеренга неудачников, подымая клубы барачной пыли, уныло двинулась к выходу на свежий воздух. А на роль "юнгипартизана" отобрали того самого — чубатого! — паренка и невестку каким образом затесавшуюся в "хор мальчиков" единственную девочку.

— Ну что? — нетерпеливо спросила бабушка, караулившая меня у входа в барак.

— Не взяли, — едва не плача, чуть слышно ответил я, хотя из-за всех сил старался изобразить из себя беззаботного рубаху-парня, равнодушного ко всякому жизненным неурядицам.

— Не взяли? — изумилась бабушка. — Как это не взяли? Да я сейчас...

Мимо нас с каменным лицом прошла ассистент кинорежиссера Наталья Петровна.

— Безобразие! — громко сказала бабушка ей вслед. — Отвлекают детей от каникул! Жаловаться на них надо!..

— Ну, Софочка! Перестань! — снисходительно и нараспев успокаивает какую-то заплаканную мамашу солидный мужчина, бросая выразительные взгляды по сторонам, как бы приглашая всех на проводимый им мастер-класс по курсу "Знание жизни". — Я же тебе говорил, что берут только своих!.. Только своих!..

Весь обратный путь бабушка Женя хранит глубокое молчание, полное благородного гнева на моих "обидчиков". И вот мы уже дома.

— Ну что, артист? — чуть-чуть насмешливо, но со скрытой надеждой спросила меня мама, раскатывавшая на обеденном столе тесто для вареников.

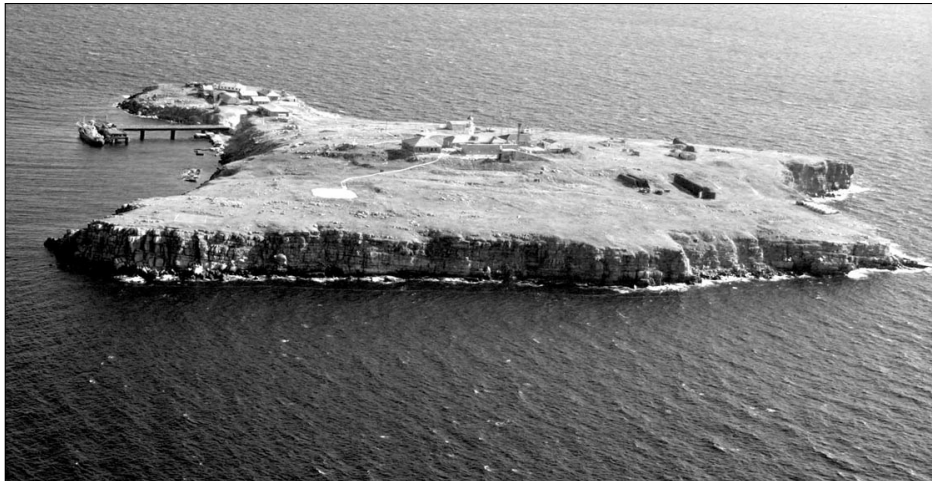
— Не взяли, гады! — сказал я, стуча зубами от неведомо откуда взявшегося озноба. — Берут только своих!..

Мне почему-то вспомнилась газировка с двойным сиропом "крем-сода", которую я в выходной пил в сквере на Соборной площади. Мои губы тогда безуспешно пытались поймать сладкую пенку сиропа, а она с брызгами и шипением все убегала и убегала от них, пока совсем не исчезла на дне стакана. И уткнувшись в материнские колени, я горько-прегорько заплакал.

А компенсацией мне за испорченное в этот день настроение были глубокая тарелка вкусного украинского борща и миска вареников с творогом.

На следующий день я на какое-то время забыл о своем хождении по мукам за неведомым мне тогда "Оскар" и отправился в Люстдорф на рыбалку со своими друзьями Жориком Косолаповым, Марином Рывкиным и Аликом Бродским. (Хлопцы, где вы? Отзовитесь!) Мы сидели на скалах, удили бычков и полной грудью вдыхали опьянявший нас соленый морской воздух образца пятьдесят четвертого года двадцатого столетия.

Ну, вот и все! Как говорят киношники, "снято!"

ОСТРОВ ЛЕТАЮЩЕЙ ПТИЦЫ

Я мечтал побывать на острове Змеиный почти столько, сколько хорошо себя помню. Дело в том, что мой отец, подполковник Владимир Владимировский, на излете своей многолетней военной судьбы, в самом конце 50-х годов, служил в управлении Одесского района военной гидрографической службы и неоднократно бывал по делам на этом острове. Я почему-то совсем не запомнил деталей его рассказов об этих поездках, но мне врезалось в память, что, обычно весьма сдержанный в проявлении эмоций, он всегда очень восторженно отзывался о Змеином. Еще помню громадную, по крайней мере, для меня, 4- или 5-летнего, рыбку, то ли белугу, то ли севрюгу, которую он как-то привез оттуда. И особенно запомнилось, как отец привез с острова ярко-синие цветы, выкопанные прямо с землей, в которой они росли. Мама, отбросив все правила тогдашнего этикета, поместила их в большую хрустальную вазу, стоявшую, по тогдашней моде, на "горке" (многоярусном посудном шкафу с раздвижными стеклянными дверцами), и они долго еще там стояли; запах мокрой земли и цветов — со Змеино острова! — плавал по нашей квартире и подстегивал мое желание там побывать.

Вот поэтому, когда в составе группы одесских журналистов я подлетал на вертолете к острову Змеиный, это была "сбыча мечты" после сорокачетырехлетнего ожидания!

...Лежащий посреди сверкающего и пустынного васильково-синего моря, медленно приближающийся яркий, зелено-коричнево-серый кусок суши с белым маяком под красной крышей в середине показался мне еще прекраснее, чем я себе представлял. Поразила и форма острова. Когда мы облетали его по кругу, с одной из сторон он четко выглядел, как два соединенных между собой практически равнобедренных треугольника. Один — большой, другой — маленький. И в большом — один, чуть вытянутый в море, угол походил на голову с клювом, а два других угла — на крылья летящей птицы. И самое интересное, что маленький треугольник выглядел, прямо как хвост этой птицы. То, что, как известно, перелетные птицы выбирают Змеиный в качестве места отдыха, наверное, объясняется не только его географическим положением, но и формой. Может быть, это и не научно, но что-то в этом есть!

Вторым чудом острова Змеиный был его воздух, в который мы, можно сказать, "погрузились", едва сойдя с вертолета. Воздух был настолько наполнен и запахом моря, и одновременно запахом земли, травы и камней острова, благо солнце пригревало в этот день почти по-летнему, что, наверное, второго такого "коктейля" не сыщешь на свете. И мне сразу вспомнились те давние синие цветы, которые остро пахли у нас в квартире почти полвека назад!

А третьим чудом этого самого южного уголка Украины стало то, что ни один человек, с кем я успел побеседовать за эти (все-го, увы!) полтора часа пребывания на острове, не выражал ни капли сожаления по поводу своей оторванности от Большой земли.

Единственная из 66 человек населения острова женщина, радиотелеграфист Татьяна Литвиненко, которая вместе с мужем Александром уже почти год несет службу на Змеином, надеется не только благополучно дослужить свои контрактные 3 года, но и продлить этот контракт.

— Я очень люблю море. А здесь его столько и оно такое, какого нет нигде. Единственное "но" — это то, что запросто в гости к родственникам не сходишь, но и тут утешает старая поговорка: "Чем дальше, тем роднее".

Главный же на острове, и. о. начальника пограничной заставы майор Владимир Бур-

лаков реальной тяготой островной службы и жизни считает только однообразие. Любые новые лица с корабля, вертолета дают повод для разговоров на несколько дней. Конечно, телевидение развлекает. Но не будешь же его смотреть целый день...

Сиявшее в голубизне солнце, сверкавшее васильково-синее море, накатывавшие мощные волны на 20 — 30-метровые фантастические по красоте, серо-черные каменные утесы берега, и неумолчный легкий посвист ветра, дующего здесь постоянно, создавали ощущение умиротворенности и покоя. Вот бы здесь летом отдыхать!

Однако "островитяне" быстро, как говорится, "вернули на землю", рассказав, что погода здесь может очень быстро поменяться. С утра она прекрасная, как сейчас, а через час может превратиться в лютый шторм. В качестве иллюстрации показали ползатонувший возле берега остов плавающего крана. В самом начале строительства большого причала на острове команда не успела среагировать на резкую смену погоды, и теперь кран обрел здесь вечную стоянку.

Так что, может, к сожалению, а может, и к счастью, превратить остров Змеиный в "туристический рай", при всех его красотах и чудесах, едва ли удастся. А предстоит ему, вероятно, оставаться самым южным рубежом Украины, где будет воспитываться особое, "островное", чувство ответственности. И, конечно же, маяком и радиолокационным хранителем мореплавателей. И, естественно, как и сейчас, местом работы орнитологов и сейсмологов.

Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.

Единственная на острове Змеиный женщина — радиотелеграфист Татьяна Литвиненко.

Ежеутренняя церемония подъема флага.

Фото автора.

ся", или худые, которых нарекали "шкиля" или более живописно — "шкиля-макарона".

Я даже увидел нескольких знакомых ребят из родной сто седьмой школы, которые тут же отвернулись. Один из них — Витька Ш-р по кличке "Носорог", отобранный у меня титул лучшего певца школы, — держал в руках скрипку, правда, без смычка. Присутствие скрипки, очевидно, было весомым аргументом в пользу артистичного Вити в предстоящем состязании юных талантов.

— Ну вот! — с досадой произнесла бабушка. — Говорила тебе, чтобы утром долго не возился! Видишь, сколько народу?

Да! Конкурентов было действительно довольно много, что, впрочем, меня несколько не смущало, поскольку такие артисты, как я, "на дороге не валяются". Мы уселись на какую-то скамейку в тени небольшого дерева. Впрочем, тень быстро переместилась в другое место, и летнее солнце нещадно припекало мою голову. Не спасала и белая панамка. Напротив нас находился какой-то допотопный одноэтажный барак, где, как мы уже догадались, и будет проводиться отбор в артисты.

Где-то в вышине над нами кружились любопытные чайки, а вдаль за барак, в просветах между деревьями, угадывался обрыв над морем, а еще дальше — и сама сине-зеленая громада, по которой, судя по легкому ветерку, неторопливо бежали белые барашки волн.

Будущие бабочкины и геловани, чарли чаплины и бернесы с оглушительными воплями играли "в сало", кувыркались в выгоревшей траве и отважно лазили по высоким деревьям. Однако июльский зной делал свое дело, и постепенно голоса утомленных детей затихали, а они, сонные и проголодавшиеся, постепенно возвращались под опеку находящихся здесь же родителей.

— Безобразие! — громко сказала бабушка. — Голодный ребенок томится на жару без питья...

Она достала из черной, как говорят, "выдавшей виды" хозяйственной сумки хлеб, десяток вареных яиц и малосольные огурцы. Я с апетитом начал уничтожать принесенную предусмотрительной бабушкой снедь. Громко хрумкала упругими, как резина, огурцами, запивая их сладким вишневым компотом, оказавшимся весьма кстати. А когда я, уминая очередной огурец, начал разбивать уже шестое яйцо, бабушка, заметив, что на мою живописную "трапезу" начинают обращать "нездоровое" внимание окружающие, раздраженно сказала мне самые грубые по отношению ко мне — и это один-единственный раз на моей памяти! — слова: "Хватит уже жрать! В артисты не возьмут!"

В общем-то, бабушка никогда не говорила грубых слов. Ее самым "страшным" ругательством было выражение "лошадь Петра Великого". Оно обычно нарочито громко адресовалось какой-нибудь даме (с солидной, как правило, комплекцией), нечаянно наступившей бабушке на ногу в очереди или в трамвае. Ездить в троллейбусе бабушка Женя почему-то опасалась.

— Дети! Пройдите, пожалуйста, в помещение! — произнес какой-то мужчина тонким неприятным голосом.

И вот, наконец, вместе с остальными кандидатами на главную кинороль я оказался в вышеупомянутом темноватом барак. Нас выстроили у стены в линию — шеренгу, а напротив на нескольких пыльных и расшатанных стульях разместились, так сказать, оценочная комиссия. Несколько дядек с какой-то загадочной улыбкой, взятой, очевидно, напрокат с шедевра великого Леонардо, напряженно гляделись в юные лица, оценивая, по-видимому, наши фотогеничность и врожденную способность импровизировать перед объективом стрекочущего киноаппарата.

На меня никто упорно не обращал никакого внимания, хотя я преданным собачьим взглядом, не отрывая глаз, смотрел на отборочно-оценочную комиссию. Постепенно в моей душе стала появляться тревога ("Вдруг не возьмут?"), а потом — и какая-то ненависть к этим киношникам, не способным заметить с первого взгляда настоящий талант. Я очень обрадовался, когда в барак зашла ассистент режиссера — та самая Наталья Петровна, правильно оценившая мой артистический дар. Фу-у! Наконец! Она подошла к "главному", сразу же по-своему обнявшему ее за талию, и кивнула в мою сторону. "Главный" нехотя пробежался сонным взглядом по моей румяной физиономии и — уже в который раз! — обратил свой взор в центр шеренги, где стоял симпатичный стройный паренек. Голова сего отрока была увенчана роскошной — не по возрасту! — шевелюрой, чем-то напоми-

нающей серо-зеленый стог скошенного сена, который я когда-то видел за городом.

"Главный" и его сотоварищи начали переговариваться между собой, проявляя, очевидно, полную солидарность по отношению к кандидатуре на главную кинороль. Эти дебаты продолжались добрую четверть часа, и все это время шеренга из нескольких десятков мальчиков-непосед и одной девочки стояла — на удивление! — неподвижно и скорбно, как на похоронах, наблюдая как сотоварищи и "главный", чуть зажмурив глаза, одобритительно кивали головами, поочередно поднимая вверх большой палец то правой, то левой руки ("Левша!" — подумал Штирлиц").

Неожиданно для всех из шеренги вышел маленький мальчик и очень громко, чеканя каждое слово и старательно выговаривая букву "р", произнес: "Александр Сергеевич Пушкин! У лукоморья дуб зеленый!" И начался известный стихотворный рассказ об ученом мурлыке-сказочнике, искусно владеющем эстрадным разговорным жанром, да и обо всем остальном, что хорошо известно каждому из нас с детства.

"Главный" и сотоварищи некоторое время обалдело смотрели на малыша, с трудом соображая, что же, в конце концов, происходит. Наконец "главный" зычно скомандовал в блестящий жестяной рупор, услужливо переданный ему одним из сотоварищей: "Наталья Петровна! Успокойте мальчика!" Малыша с большим трудом уgomонили и аккуратно, как музейный экспонат, водрузили на старое место в шеренгу. На какое-то время в барак наступила тягостная тишина.

— Все! — опять раздался тот же противный голос. — Можете идти!

Шеренга неудачников, подымая клубы барачной пыли, уныло двинулась к выходу на свежий воздух. А на роль "юнгипартизана" отобрали того самого — чубатого! — паренка и невестку каким образом затесавшуюся в "хор мальчиков" единственную девочку.

— Ну что? — нетерпеливо спросила бабушка, караулившая меня у входа в барак.

— Не взяли, — едва не плача, чуть слышно ответил я, хотя из-за всех сил старался изобразить из себя беззаботного рубаху-парня, равнодушного ко всякому жизненным неурядицам.

— Не взяли? — изумилась бабушка. — Как это не взяли? Да я сейчас...

Мимо нас с каменным лицом прошла ассистент кинорежиссера Наталья Петровна.

— Безобразие! — громко сказала бабушка ей вслед. — Отвлекают детей от каникул! Жаловаться на них надо!..

— Ну, Софочка! Перестань! — снисходительно и нараспев успокаивает какую-то заплаканную мамашу солидный мужчина, бросая выразительные взгляды по сторонам, как бы приглашая всех на проводимый им мастер-класс по курсу "Знание жизни". — Я же тебе говорил, что берут только своих!.. Только своих!..

Весь обратный путь бабушка Женя хранила глубокое молчание, полное благородного гнева на моих "обидчиков". И вот мы уже дома.

— Ну что, артист? — чуть-чуть насмешливо, но со скрытой надеждой спросила меня мама, раскатывавшая на обеденном столе тесто для вареников.

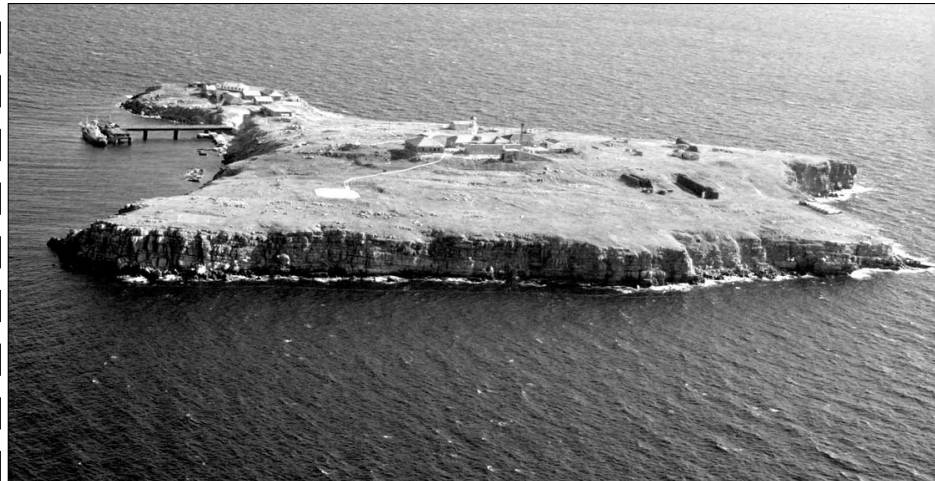
— Не взяли, гады! — сказал я, стуча зубами от неведомо откуда взявшегося озноба. — Берут только своих!..

Мне почему-то вспомнилась газировка с двойным сиропом "крем-сода", которую я в выходной пил в сквере на Соборной площади. Мои губы тогда безуспешно пытались поймать сладкую пенку сиропа, а она с брызгами и шипением все убегала и убегала от них, пока совсем не исчезла на дне стакана. И уткнувшись в материнские колени, я горько-прегорько заплакал.

А компенсацией мне за испорченное в этот день настроение были глубокая тарелка вкусного украинского борща и миска вареников с творогом.

На следующий день я на какое-то время забыл о своем хождении по мукам за неведомым мне тогда "Оскар" и отправился в Люстдорф на рыбалку со своими друзьями Жориком Косолаповым, Марином Рывкиным и Аликом Бродским. (Хлопцы, где вы? Отзовитесь!) Мы сидели на скалах, удили бычков и полной грудью вдыхали опьянявший нас соленый морской воздух образца пятьдесят четвертого года двадцатого столетия.

Ну, вот и все! Как говорят киношники, "снято!"

ОСТРОВ ЛЕТАЮЩЕЙ ПТИЦЫ

Я мечтал побывать на острове Змеиный почти столько, сколько хорошо себя помню. Дело в том, что мой отец, подполковник Владимир Владимирович, на излете своей многолетней военной судьбы, в самом конце 50-х годов, служил в управлении Одесского района военной гидрографической службы и неоднократно бывал по делам на этом острове. Я почему-то совсем не запомнил деталей его рассказов об этих поездках, но мне врезалось в память, что, обычно весьма сдержанный в проявлении эмоций, он всегда очень восторженно отзывался о Змеином. Еще помню громадную, по крайней мере, для меня, 4- или 5-летнего, рыбку, то ли белугу, то ли севрюгу, которую он как-то привез оттуда. И особенно запомнилось, как отец привез с острова ярко-синие цветы, выкопанные прямо с землей, в которой они росли. Мама, отбросив все правила тогдашнего этикета, поместила их в большую хрустальную вазу, стоявшую, по тогдашней моде, на "горке" (многоярусном посудном шкафу с раздвижными стеклянными дверцами), и они долго еще там стояли; запах мокрой земли и цветов — со Змеино острова! — плавал по нашей квартире и подстегивал мое желание там побывать.

Вот поэтому, когда в составе группы одесских журналистов я подлетал на вертолете к острову Змеиный, это была "сбыча мечты" после сорокачетырехлетнего ожидания!

...Лежащий посреди сверкающего и пустынного васильково-синего моря, медленно приближающийся яркий, зелено-коричнево-серый кусок суши с белым маяком под красной крышей в середине показался мне еще прекраснее, чем я себе представлял. Поразила и форма острова. Когда мы облетали его по кругу, с одной из сторон он четко выглядел, как два соединенных между собой практически равнобедренных треугольника. Один — большой, другой — маленький. И в большом — один, чуть вытянутый в море, угол походил на голову с клювом, а два других угла — на крылья летящей птицы. И самое интересное, что маленький треугольник выглядел, прямо как хвост этой птицы. То, что, как известно, перелетные птицы выбирают Змеиный в качестве места отдыха, наверное, объясняется не только его географическим положением, но и формой. Может быть, это и не научно, но что-то в этом есть!

Вторым чудом острова Змеиный был его воздух, в который мы, можно сказать, "погрузились", едва сойдя с вертолета. Воздух был настолько наполнен и запахом моря, и одновременно запахом земли, травы и камней острова, благо солнце пригревало в этот день почти по-летнему, что, наверное, второго такого "коктейля" не сыщешь на свете. И мне сразу вспомнились те давние синие цветы, которые остро пахли у нас в квартире почти полвека назад!

А третьим чудом этого самого южного уголка Украины стало то, что ни один человек, с кем я успел побеседовать за эти (все-го, увы!) полтора часа пребывания на острове, не выражал ни капли сожаления по поводу своей оторванности от Большой земли.

Единственная из 66 человек населения острова женщина, радиотелеграфист Татьяна Литвиненко, которая вместе с мужем Александром уже почти год несет службу на Змеином, надеется не только благополучно дослужить свои контрактные 3 года, но и продлить этот контракт.

— Я очень люблю море. А здесь его столько и оно такое, какого нет нигде. Единственное "но" — это то, что запросто в гости к родственникам не сходишь, но и тут утешает старая поговорка: "Чем дальше, тем роднее".

Главный же на острове, и. о. начальника пограничной заставы майор Владимир Бур-

лаков реальной тяготой островной службы и жизни считает только однообразие. Любые новые лица с корабля, вертолета дают повод для разговоров на несколько дней. Конечно, телевидение развлекает. Но не будешь же его смотреть целый день...

Сиявшее в голубизне солнце, сверкавшее васильково-синее море, накатывавшее мощные волны на 20 — 30-метровые фантастические по красоте, серо-черные каменные утесы берега, и неумолчный легкий посвист ветра, дующего здесь постоянно, создавали ощущение умиротворенности и покоя. Вот бы здесь летом отдыхать!

Однако "островитяне" быстро, как говорится, "вернули на землю", рассказав, что погода здесь может очень быстро поменяться. С утра она прекрасная, как сейчас, а через час может превратиться в лютый шторм. В качестве иллюстрации показали ползатонувший возле берега остов плавающего крана. В самом начале строительства большого причала на острове команда не успела среагировать на резкую смену погоды, и теперь кран обрел здесь вечную стоянку.

Так что, может, к сожалению, а может, и к счастью, превратить остров Змеиный в "туристический рай", при всех его красотах и чудесах, едва ли удастся. А предстоит ему, вероятно, оставаться самым южным рубежом Украины, где будет воспитываться особое, "островное", чувство ответственности. И, конечно же, маяком и радиолокационным хранителем мореплавателей. И, естественно, как и сейчас, местом работы орнитологов и сейсмологов.

Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.

Единственная на острове Змеиный женщина — радиотелеграфист Татьяна Литвиненко.

Ежеутренняя церемония подъема флага.

Фото автора.

ИНСТРУКТОР

Памяти Ф.В. Шахматова

Странный он был человек, чу- даковатый какой-то. Маленький, тщедушный, без возраста вроде. В неизменном спортивном костюме пробегал ежедневно свои пять километров, купался в море зимой и летом, ездил на совершенно невообразимых машинах, что и автомобилями назвать нельзя, но ГАИ в лице своих суровых стражей только руку ему пожимает. Неудивительно, ведь добрая половина их — из его учеников или поклонников. Да и знали, что авария по его вине не произойдет никогда. На занятиях во дворе нашей областной станции юных техников стояли у него дети часами, слушали всякие были и небылицы, делали зарядку, чаще, чем требовалось, бегали с венниками, подметая двор. И все это ради того, чтобы разок-другой прокатиться на низеньком неудобном автомобильчике — карте, подержать в руках руль и почувствовать себя водителем настоящей

машины, автогонщиком или... Мало ли кем чувствуют себя ребята, держа в руках руль?

Инструктор, как именвал он себя, их не разубеждал. Рассказывал и о Жюлье Верне, и о Суворове, и о луноходах. Но чаще всего — об истории автомобиля вообще и в нашем городе в частности. Ее он знал досконально.

В помещении, где проводились занятия, история эта отображалась на стендах в виде вырезок из старых газет и журналов, в лекциях марок и спичечных этикеток. У некоторых ребят были свои коллекции. Однажды один семиклассник записал и даже опубликовал в областной газете серию заметок на эту тему.

История автомобиля в нашем городе очень интересна, и Инструктор был к ней причастен. Говорили, что даже в своей маленькой квартире типа "хрущоба" он ухитрялся хранить пару авто- или мото-"экспонатов". Ну, не чудак ли? Видно, они были важнее для него, чем комфорт.

Старые одесситы помнят, наверное, гонки по вертикальной стене, которые демонстрировались в цирковом шатре на "Приво-зе". Я лично смотрела их в детстве, затаив дыхание, по несколько раз кряду. Это был он — отважный мотогонщик. Он же дублировал мототрюки во многих фильмах, в их числе — "Тимур и его команда". "Современный Уточкин" — тоже одно из любимых им прозвищ. Хотя он и не летал, но, как и тот, любил "откалывать номера". Неоднократно спускался на мотоцикле по Потемкинской лестнице.

Даже в преклонном возрасте не прочь он был тряхнуть старинной, демонстрируя ребятам настоящее "автородео" на картах, всякие трюки, вызывая изумление и восторг.

Все это, конечно, было не по программе и методике проведения занятий, за что ругало его иногда педагогическое начальство. Но ребята, хоть и посмеивались, бывало, над чудачествами, но стояли и слушали Шахматова часами, выполняли все, что он требовал. От них просто отбоя не было.

В 80-е годы молодой директор облСЮТ Виктор Евгеньевич Мороз

был вдохновителем и организатором постройки на окраине Одессы, в районе нефтеперерабатывающего завода, картодрома. Это позволило развить популярные кружки картинга и автототоспорта, привлечь к занятиям в них много мальчишек со всего города, особенно с окраин, проводить разные соревнования.

Даже меня, далекого от автототоспорта человека, увлекло зрелище мчащегося по трассе карта или мопеда, на котором, как в кадрах кинофильма, маленькие "всадники" в шлемах мчались под подбадривающие крики товарищей и родителей.

Мне не раз приходилось открывать-закрывать эти соревнования. На старте и финише на картодроме всегда мелькала маленькая фигурка в полосатой майке и бейсболке. Инструктор был одной из главных фигур на всех соревнованиях по автототоспорту, не только детских. В выставках старой техники в парке им. Шевченко он участвовал не только как один из организаторов, но и почетным гостем. В первоапрельских парадах автотранспорта он выезжал на своей старой машине, которую сам называл "Ан-

тилопа-гну". Взрослые, как и дети, иногда посмеивались над ним, но уважали и любили. Во время празднования одного из Дней города на стадионе ЧМП, где выступали и наши юные техники, милицейский начальник, видя, как беспрекословно выполняют указания Инструктора знакомые милиции "трудные подростки", удивлялся: "Как это ему удается?"

В День Победы надевал он, ветеран второй мировой войны, парадный костюм с тремя орденами Красной Звезды и другими наградами. Эти ордена вручались полковому разведчику прямо после успешного выполнения задания в тылу врага. На своем мотоцикле добывал он за линией фронта нужные сведения. И ни разу даже не был ранен. Помогло виртуозное владение мотоциклом и почти цирковое трюкачество. Стрельба велась по сидению, а водитель рулил не с сидения, а со стороны, пригнувшись почти до земли и укрывшись за мотоциклом.

Жил в Одессе Федор Владимирович Шахматов, настоящий одесит, Инструктор, ставший одной из легенд родного города.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР

Первые послевоенные годы в Одессе. Мы, дети войны, пережившие ее кто в оккупации, кто в эвакуации, а кто, страшно подумать, в гетто, о чем не принято было распространяться, проводили первые летние каникулы в разбитых дворах, на лестничных клетках, где чернели надписи: "Проверено, мин нет".

Летом было жарко, и часто мы направлялись большой группой в расположенный неподалеку тенистый Городской сад, где с утра в беседке располагалась детская игровая. Там бесплатно выдавали игры и игрушки, там же можно было получить обрезки бумаги, жести, разноцветные лоскутки, краски, нехитрый инструмент и самим на месте смастерить кукол для кукольного театра, головоломку, простой самолетик или кораблик. Учителей, иначе их не назовешь, было двое: муж и жена Фридманы, Абрам Моисеевич и Клара Иосифовна. Около них всегда толпились ребята, скамейки вокруг беседки были заполнены детьми всех возрастов. Хулиганские выходы Абрам Моисеевич пресекал очень быстро. Он вообще был подвижен и скор в движениях. Клара Иосифовна, наоборот, была спокойна и несколько медлительна, они хорошо дополняли друг друга.

Абрам Моисеевич, большой выдумщик, устраивал всякие соревнования на смекалку и умения, демонстрировал технические "фокусы", объясняя их при

этом. Победители получали небольшие призы.

Прошли наше детство, отрочество, юность, позади остались школьные и студенческие годы. По возвращении в Одессу после работы по назначению у меня были сложности с трудоустройством по специальности, работа, которую удавалось получить, меня не удовлетворяла. Эти поиски привели на областную станцию юных техников (облСЮТ). Когда-то в старших классах я бывала там, участвуя в олимпиадах по физике и химии, СЮТ принимала участие в организации этих турниров.

Доцент ОГУ О.С. Степанова, председатель областного правления Всесоюзного химического общества, к работе в котором на общественных началах она меня привлекала, рекомендовала поработать на областной станции юных техников, охарактеризовав тамошнего директора как человека очень интересного, творческого, работу — как перспективную в научно-педагогическом плане. Я решила принять предложение, пока не найду что-либо получше.

Так судьба вновь свела меня с А.М. Фридманом, ветераном пионерского движения, одним из первых пионерских вожатых Одессы. Он же был одним из зачинателей детского технического творчества. К моему приходу облСЮТ имела солидную историю и авторитет.

Она была создана в 1929 году, одной из первых в стране, а в 1939-м за успехи в работе СЮТ

было присвоено имя Украинской Академии наук (документ об этом за подписью академика Патона хранится в музее истории детского технического творчества), неоднократно отмечалась разными наградами, в том числе дипломами всех степеней ВДНХ СССР, вплоть до Диплома Почета. Абрам Моисеевич работал на станции со дня основания, сначала завучем, затем — директором.

Это в ответ на его обращение Надежда Константиновна Крупская помогла юным техникам Одессы занять небольшое помещение магазина с подвалами, прислала вагон с материалами и станками, правда, не новыми, для оборудования мастерских по ул. Троицкой, 47-а.

До войны опыт работы одесской облСЮТ обсуждался и был одобрен ЦК комсомола в Москве. Мой дальний родственник — одессит, тогда юный техник, — был награжден велосипедом, другие ребята тоже получили ценные подарки. Большинство из них не вернулось с войны, а другие всю жизнь оставались рационализаторами, изобретателями, хорошими специалистами.

С первых дней войны Абрам Моисеевич был на фронте. Фридманом направили в авиацию, где он занимался аэрофото-съемкой. Демобилизовавшись, вернулся, несмотря на низкую оплату труда, к любимому делу, участвовал в восстановлении работы городского Дворца пионеров, в организации в Лузановке

"украинского Артека" — республиканского пионерлагеря "Молодая гвардия", наконец, вернулся на областную станцию юных техников директором.

Наибольшей известностью в городе пользовался созданный Фридманом в 60-е годы демонстрационный Зал основ автоматки по типу аналогового зала Политехнического музея в Москве, затем был открыт Зал химии. Мечтой Абрама Моисеевича было создание в Одессе малого Политехнического музея силами учащихся и их руководителей, но не хватало помещений. Эти залы в красочной форме знакомили школьников не только с основами, но и с современными направлениями в науке, технике. Стенды и экспонаты были "действующими", или электрифицированными, модели были изготовлены в технических кружках. Особенно нравились посетителям "говорящий" цветомузыкальный экскурсовод Бип и вращающиеся кресла на площадке в центре зала, которые поворачивались к экспонатам как бы по его "приказу". Цветомузыка была тогда в диковинку не только для школьников.

Благодаря своему авторитету Абрам Моисеевич уже перед самым уходом сумел добиться для облСЮТ здания бывшей школы, а в прошлом греческой гимназии по ул. Троицкой, 37, что позволило открыть новые кружки и направления детского технического творчества.

Человек очень независимый, он был, наверное, единственным в одесской системе народного образования директором без партийного билета.

Работа с детьми не дает стареть. Встречая Фридмана, когда он, уйдя в пенсионном возрасте со станции, продолжал еще лет десять работать учителем трудового обучения в школе-интернате, всегда полно идей и интереса к работе, я удивлялась его энергии и подвижности: всегда в труде, без отпусков и больничных.

Как бы мы ни относились к своему прошлому, без таких людей как Абрам Моисеевич Фридман детство наше и наших детей в политизированной тоталитарной стране было бы намного духовно беднее. После его ухода облСЮТ под руководством других директоров, из которых каждый также был по-своему энтузиастом работы с детьми, старалась сохранить заложенные им традиции, поддерживать высокий уровень работы, неизменно находясь среди лучших внешкольных учреждений области и будучи одной из лучших среди областных станций юных техников Украины.

Я проработала с Абрамом Моисеевичем десять лет методистом и три года заместителем директора, а затем еще двенадцать лет в этой должности с тремя другими директорами. Все эти годы руководила еще химическими кружками, сначала также и областным обществом юных химиков им. Д.И. Менделеева, а затем вместе с помощниками — одесской Малой Академией наук "Прометей".

Абрам Моисеевич Фридман был первым моим учителем и наставником в этой работе, ставшей основной в моей жизни.

Мери ШИФ.
Израиль.

Перформанс Марьяны Беккерман

4 июня. Утро. Звонок: "Дорогой Люсьен, это Майкл Каунтс, приходи сегодня на мой перформанс — в 8 вечера в Уитни".

Захватив с собой молодого друга, американского художника, под проливным дождем стою в очереди, огромной, как в Мавзолей. Заходим. Грохот, оглушительная музыка, но мелодичная, выразительная. Дым, как в преисподней, запах серы, мигают лампочки-свечи. Огромный холл.

На постаменте, похожих на высоченные барабаны, стоят группы людей. В бикини, с павлиньими перьями на головах, мускулистые, на высоких каблуках; связанная пара в вечерних костюмах; группа дервишей в высоких фесках; иранский мулла сидит и читает Коран; японец в позе борца сумо... Монологи, диалоги, безупречная режиссура, высочайшая техника, полная согласованность. Говорят что-то доброе, вечное и

очень серьезное. Мой молодой друг через 15 минут сказал "бай" и исчез в дыму. Я мужественно благоговел до конца.

Майкл Каунтс — драматург, режиссер, художник, восходящая "звезда", автор и постановщик этого представления, обнял меня и попросил остаться на коктейль. Странное чувство испытывал я, придя домой: шум в душе, чувство незащищенности.

5 июня. Звонок: "Старина, ты не забыл? Моя Марьяна сегодня дает перформанс в театре на East Broadway". Это мой старый друг — коллекционер и знаток книг, иудеи, театральные эскизов, любитель экзотических крепких напитков, курительного табака, одним словом, меценат, душелюб, повеса, еврей-кавалерист, карбонарий-соратник Гарибальди как по возрасту, так и по убеждениям. Одним словом — одессит! Илья Беккерман.

Вернусь на миг к первому представлению Марьяны Беккерман. Теплый октябрь (2002). Квинс. Олушка зеленой лужайки парка спускается прямо к полнолунной Ист Ривер. Сцена. Летят над головой по расписанию самолеты. Покой. Прямо за сценой на реке стоит (по плану действия) копер, баржа, которая вбивает сваи. Начинается представление. Ритмично бьет по сваям тяжелый молот. На сцене молодые гибкие люди языком танца говорят о своих чувствах. Высокая, стройная скрипачка-афроамериканка с очень красивой татуировкой на спине играет с бразильским ударником и американским саксофонистом. Зрители: китайцы, черные, белые жители России, Украины — бурно выражают свое чувство одобрения.

5 июня 2003 года. Нижний Ист Сайд. Театр Мэйзер. Скромный зал, скромная

публика, много цветов. Сюжет прост: латиноамериканец влюблен (взаимно) в еврейскую девушку из России. Аранжировка: клезмерская музыка, русские народные песни, аргентинское танго, румба, фламенко.

Растрогался. Оформление, свет, декорации сделал кубинцев Хулио Мендоса — инженер, получивший образование во Фрунзе (на моей исторической родине: я родился в эвакуации в Киргизии). Прекрасно говорит по-русски. Постановщик, хореограф, идейный вдохновитель, автор пьесы и руководитель танцевальной компании — Марианна Беккерман.

Только сейчас я понял, почему после посещения Уитни пришло чувство опустошенности. Марианна Беккерман дает нам свою любовь и оставляет надежду. И дает силы готовиться к старости: "В немощность, в старческое бессилие возьмите все мечты детства!" (Н.В. Гоголь).

Люсьен ДУЛЬФАН.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N . газета отпечатана в типографии «СІЧ».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.